

МАКСИМ СИНИЦЫН

ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН»

ОБА УДАРА ГЛАВНЫЕ...

**К 75-ЛЕТИЮ
ОПЕРАЦИИ**

Михаил Сеницын

**Операция «Багратион». «Оба удара
главные...». К 75-летию операции**

«Алисторус»

2019

УДК 930
ББК 63.3(2)

Синицын М. В.

Операция «Багратион». «Оба удара главные...». К 75-летию операции / М. В. Синицын — «Алисторус», 2019

ISBN 978-5-907120-92-1

Белорусская стратегическая наступательная операция «Багратион» – одна из самых известных операций советских войск за годы Великой Отечественной войны. При этом о проведенной в ее рамках Бобруйской наступательной операции известно лишь две подробности, попавшие в киноэпопею «Освобождение» – то, как К.К. Рокоссовский доказывал И.В. Сталину необходимость нанесения двух главных ударов, и то, что наступление проходило в труднодоступной лесисто-болотистой местности. В книге впервые подробно и объективно рассказано о планировании, подготовке и проведении Бобруйской наступательной операции (24-29 июня 1944 г.) 1-го Белорусского фронта. В качестве источников были использованы документы Центрального архива Министерства обороны РФ, немецкие архивные документы, данные местных краеведческих музеев. Также широко использовались данные, полученные в ходе интервьюирования 50 очевидцев событий: как ветеранов, так и местных жителей».

УДК 930
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-907120-92-1

© Синицын М. В., 2019
© Алисторус, 2019

Содержание

Введение	5
Глава 1. Боевые действия на Бобруйском направлении осенью 1943 – летом 1944 г. и их влияние на планирование Белорусской операции	8
1-1. Полководческий опыт как основа для принятия решений при планировании операции	8
1-2. Действия Белорусского фронта генерала Рокоссовского на бобруйском направлении с октября 1943 г. по начало февраля 1944 г.	14
1-3. Действия 1-го Белорусского фронта в феврале-марте 1944 г.	31
Глава 2. Планирование Бобруйской операции	53
2-1. Стратегическое планирование наступления в Белоруссии. «Оба удара главные»	53
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Михаил Сеницын

Операция «Багратион». «Оба удара главные...». К 75-летию операции

Введение

Белорусская стратегическая операция «Багратион» оставила яркий след в истории Великой Отечественной войны. В течение двух недель в Белоруссии была разгромлена почти вся немецкая группа армий «Центр». Масштаб событий определил и направленность работы автора, которая велась с 2009 года. Описать всю операцию в одной книге – задача действительно трудная, поэтому данный труд затрагивает действия лишь одного, 1-го Белорусского фронта генерала армии (Маршала Советского Союза с 29 июня 1944 г.) Константина Константиновича Рокоссовского. Ключевым моментом для проведённой фронтом на первом этапе «Багратиона» Бобруйской наступательной операции стало нанесение двух ударов. Этот эпизод вошёл в киноэпопею «Освобождение» и широко известен в кругу военных историков. Однако, говоря о планировании операции, корни принятия такого решения лежат в её предыстории. Ведь фронт К.К. Рокоссовского наступал на Бобруйск с октября 1943 года.

В данной работе ключевым является анализ процесса принятия решений на стратегическом и оперативном уровнях в период подготовки и проведения операции. Это позволяет обозначить причины именно такого хода событий в июне 1944 года и сделать выводы, которые могут быть актуальны и сегодня.

Рассмотрение событий на фронте Рокоссовского в конце 1943 – первой половине 1944 года через призму управления войсками, позволяет выдвинуть тезис о том, что органы управления должны быть прежде всего ориентированы на выполнение конкретной задачи, а не быть простым управленческим звеном. Отсутствие опыта наступления в лесисто-болотистой местности повлекло неудачи в ходе зимнего наступления войск фронта К.К. Рокоссовского, а наличие одновременно нескольких абсолютно противоположных задач сыграло свою роль на последнем этапе операции, когда, например, 65-я армия одновременно решала задачу выхода в район Слуцка и ликвидации окружённой группировки. При этом армия не была подготовлена к решению второй задачи и поэтому имела слабое взаимодействие с соседними соединениями.

Многие вопросы предыдущими исследователями операции «Багратион» и Бобруйской наступательной операции не затрагивались. Так, например, в отечественной историографии почему-то считается, что К.К. Рокоссовский предлагал нанести удар по сходящимся направлениям на Бобруйск и окружить всю группировку противника, хотя даже простой взгляд на директиву Ставки Верховного Главнокомандования фронту от 31 мая позволяет усомниться в этом тезисе. Абсолютно не освещён в литературе оказался и период планирования операции в целом, процесс принятия решений, хотя историческая наука ценна прежде всего тем, что выявляет закономерности, а в данном случае – чтобы их вывести, необходимо понимать поставленные на операцию задачи. В случае же с простым истолкованием событий, трудно делать какие-либо выводы. Таким образом, говоря о принятии плана Бобруйской операции с «двумя главными ударами», оказывается, мы также достаточно поверхностно знаем о работе штаба 1-го Белорусского фронта, а значит – без детального анализа в принципе не можем принимать чью-либо сторону в послевоенном заочном споре К.К. Рокоссовского и Г.К. Жукова о ходе планирования операции. Напомню, что в мемуарах Рокоссовский указывал, что он настаивал на нанесении двух ударов, а И.В. Сталин дважды предлагал ему выйти в соседний кабинет и продумать план ещё раз. Жуков же утверждал, что такого эпизода не было.

Есть и другие моменты, которые в свете советских и немецких позволяют по-новому взглянуть на историю операции. Например, из немецких журналов боевых действий, становится очевидно, что немецкое командование ожидало тот самый удар под Паричами, который наносился в лесисто-болотистой местности, и где оборона противника была якобы, согласно мемуарам советских военачальников, построена по «принципу опорных пунктов». И один уже этот факт заставляет по-другому оценивать действия советских командиров. Неверным становится и тезис о том, что немецким войскам не удалось покинуть бобруйский котёл.

Остаётся весьма спорным и вопрос о сроках окончания операции. Так как в директиве Ставки ВГК прописывалась задача разгромить бобруйскую группировку противника, стоит отметить, что эта задача если и была выполнена, то только 1 июля, когда немецким войскам удалось вырваться из котла к «линии фронта» в район Лапичей.

Всё это в корне меняет наши представления о событиях, которым в 2019 году исполнилось уже 75 лет. Большой фонд советских и немецких документов, их куда большая открытость нежели чем ещё буквально 20 лет назад, позволяет ответить на многие, в том числе вышеобозначенные вопросы, это и есть главная задача этого почти десятилетнего труда.

Автор выражает благодарность всем тем, без кого эта книга никогда не увидела свет, прежде всего – сотрудникам читального зала Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и лично Ольге Викторовне Волковой. Автор благодарен за неоценимый вклад в эту книгу своей жене и родителям, коллегам по работе, своим учителям Тайгачеву Г.Н., Трусову Ю.Д., Котюковой Т.В., Авагян З.Ж., Волковой А.А., Горбачёву А.Н., Шарипову М.М., преподавателям истории Отроковой О.Ю., Стоякиной И.В., Шаруновой Т.В., рецензентам Д.В. Суржику и Н.В. Илиевскому, офицерам Военного учебного центра МГТУ им. Н.Э. Баумана В.Д. Мещерякову и В.С. Кваше, а также Безлепкину Я.П., Тихоновскому И.В. и Ильяшенко И.Е.

Также хотелось бы выразить благодарность ветеранам Великой Отечественной войны, беседы с которыми использовались при написании данной работы, это Мруг Владимир Пантелеевич (16 гв. тбр), Сидоров Александр Николаевич (15 гв. тбр), Исхаков Самигулат Фатахович (1 мсбр), Щелконогов Николай Матвеевич (22 ад), Гуркин Владимир Васильевич (23 гмбр), Сметанов Владимир Гаврилович, Алехнович Евгений Антонович (115 сбр), Хроп Степан Степанович (323 сд), Кубышкин Николай Дмитриевич (354 сд).

В данной работе использовались воспоминания местных жителей, в большинстве своём «детей войны», им также хотелось бы высказать благодарность, это Мурманцева Софья Ивановна (д. Бояры), Гук Василий Васильевич (д. Вербки), Пинчук Раиса Федоровна (д. Вербки), Гайдукевич Раиса Григорьевна (д. Думановщина), Кот Аркадий Федорович (д. Миратино), Сахон Надежда Артёмовна (д. Миратино), Усов Иван Николаевич (д. Миратино), Вавуло Ольга Степановна (д. Савичи), Рыбакова Валентина Кирилловна (д. Савичи), Гацко Иван Филиппович (д. Телуша), Жарикова Зинаида Федоровна (д. Телуша), Крычко Анна Васильевна (д. Телуша), Герасимович Нина Михайловна (д. Чучье), Дивак Нина Станиславовна (пгт Елизово), Ларионова Флера Антоновна (пгт Елизово), Малиновская Нина Сигизмудовна (пгт Елизово), Шахавец Николай Федорович (пгт Елизово).

Огромную благодарность автор выражает жителю города Бобруйска Комару Андрею Геннадьевичу, сопровождавшего автора и ветеранов 1-го гв. танкового корпуса на празднованиях Дня освобождения г. Бобруйска в 2014 и 2016 годах, а также главе сельсовета п.г.т. Елизово Ждановичу Александру Викторовичу (в 2014 г.) и сотрудникам библиотеки Елизово.

Автор выражает признательность внуку К.К. Рокоссовского, Константину Вильевичу, и сыну М.С. Малинина, Михаилу Михайловичу, за помощь в работе над книгой.

Автор также выражает благодарность сотрудникам Бобруйского краеведческого музея за предоставленные фотографии, которые были использованы в данной работе.

Особую благодарность хотелось бы высказать сотрудникам издательства «Алгоритм», благодаря которым эта книга и увидела свет.

Глава 1. Боевые действия на Бобруйском направлении осенью 1943 – летом 1944 г. и их влияние на планирование Белорусской операции

1-1. Полководческий опыт как основа для принятия решений при планировании операции

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский (1896–1968) вошел в историю Великой Отечественной войны как один из наиболее выдающихся полководцев. С его именем связаны героическая оборона Москвы, окружение и ликвидация немецко-фашистских войск под Сталинградом, оборонительная операция на Курской дуге, парад Победы, которым и командовал Рокоссовский.

Кадр из фильма «Освобождение: Направление главного удара». Режиссёр Ю. Озеров, 1971 г.

Не менее часто вспоминают и его «два удара» – эпизод, вошедший в киноэпопею «Освобождение». «Два главных удара», которые Рокоссовский, по его воспоминаниям, лично отстаивал перед И. В. Сталиным на расширенном заседании Ставки Верховного главнокомандования (Ставки ВГК), со временем стали почти легендарными. Согласно устоявшейся версии событий, члены Ставки ВГК и лично Сталин настаивали на нанесении лишь одного удара, чтобы не расплыть имеющиеся силы. Рокоссовскому дважды предлагали выйти и еще раз «продумать» план операции. Убедившись, что командующий не собирается менять свою точку зрения, Сталин утвердил план в том виде, в котором Рокоссовский его предложил.

Впервые этот эпизод упоминался Рокоссовским в интервью в Военно-историческом журнале в 1964 году¹. Затем он был упомянут и в мемуарах маршала «Солдатский долг»². С начала 70-х годов прошлого столетия были написаны несколько биографий Рокоссовского, и в каж-

¹ Рокоссовский К. К. Два главных удара // Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 13–18.

² Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1988. С. 251.

дой из них этот эпизод полностью переписывался со слов Рокоссовского. В частности, это наблюдается в работах В. И. Кардашова «Рокоссовский»³, в труде В. Г. Радченко «Константин Рокоссовский – солдат, полководец, человек»⁴, в работе И. Свистунова «Сказание о Рокоссовском»⁵, в труде А. Ф. Корольченко «Маршал Рокоссовский»⁶, К. Константинова «Рокоссовский. Победа не любой ценой»⁷. При этом идею о «двух главных ударах», согласно отечественной историографии, Рокоссовский выработал буквально за несколько дней до совещания в Ставке ВГК.

В целом история стратегического планирования операции «Багратион» описана в мемуарах известных военачальников – Г. К. Жукова⁸, К. К. Рокоссовского⁹, И. Х. Баграмяна¹⁰, С. М. Штеменко¹¹. В ряде же научных трудов, затронувших тему Белорусской наступательной операции, практически не представлен анализ действий СВГК в ее подготовительный период¹². И. П. Макар¹³ хотя и посвятил этому вопросу одну из своих работ, но не уделил в ней должного внимания планам 1-го БФ и не осветил подробно многие важные вопросы, обсуждавшиеся на совещаниях в СВГК в конце мая 1944 г., в том числе и такой, как возникшие между Ставкой и Рокоссовским разногласия относительно плана боевых действий фронта в ходе Бобруйской операции. Рассматриваемая проблема остается «за кадром» и в работах исследователей действий СВГК в годы войны. Так, А. А. Александров¹⁴ этап планирования пересказывает с мемуаров Штеменко, а генерал-полковник Ю. А. Горьков¹⁵ лишь упоминает об отсутствии согласия между Ставкой и Рокоссовским, цитируя мемуары последнего. Затронувшие эту тему бывший начальник штаба 1-го БФ генерал армии М. С. Малинин¹⁶ и бывший член Военного совета фронта генерал-лейтенант К. Ф. Телегин¹⁷ ряд эпизодов трактуют по-разному.

Отсутствие фактологической информации в силу закрытости архивных документов послужило толчком для именно такого описания событий в Ставке ВГК. Вместе с тем серьезные разночтения этого эпизода наблюдались в мемуарах других военачальников. Так, Г. К. Жуков прямо писал, что версия о «двух главных ударах» лишена основания, а оба удара упоминались в общем плане операции еще до совещаний в Ставке¹⁸. Генерал И. Х. Баграмян, который, по его словам, также присутствовал на совещании, наоборот, писал, что два удара были предложены именно Рокоссовским и что все члены Ставки ВГК эту идею сразу же поддержали¹⁹. К. Ф. Телегин, член военного совета фронта Рокоссовского полностью подтверждал в

³ Кардашов В. И. Рокоссовский. М.: Молодая Гвардия, 1980. С. 358–360.

⁴ Радченко В. К. Константин Рокоссовский – солдат, полководец, человек. М.: Эслан, 2007. С. 322.

⁵ Свистунов И. Сказание о Рокоссовском. М.: Воениздат, 1982. С. 192–293.

⁶ Корольченко А. Ф. Маршал Рокоссовский. Ростов-на-Дону. Изд-во «Феникс». 1999. С. 109–110.

⁷ Константинов К. Рокоссовский. Победа не любой ценой. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 231–234.

⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 2. М., 2002.

⁹ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 284.

¹⁰ Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977.

¹¹ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1989.

¹² История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. М., 1978. С. 40–42; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 4. М., 1962. С. 158–159; Боевые действия Советской армии в Великой Отечественной войне. М., 1958. С. 70–78; Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Т. 3. М., 1958. С. 290–299.

¹³ Макар И. П. Операция «Багратион». Опыт деятельности органов стратегического руководства при подготовке и в ходе операции // Военно-исторический журнал. 2004. № 6. С. 3–10.

¹⁴ Александров А. А. Битва ставок. Великое противостояние. 1941–1945. М., 2003. С. 300–301.

¹⁵ Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 117.

¹⁶ Малинин М. О действиях войск 1-го Белорусского фронта в Белорусской наступательной операции. // Военно-исторический журнал. 1959. № 7. С. 19.

¹⁷ Телегин К. В боях за освобождение Белоруссии // Военно-исторический журнал. 1969. № 6. С. 83–84.

¹⁸ Жуков Г. К. Указ. соч. С. 220.

¹⁹ Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 300.

мемуарах слова Рокоссовского²⁰, а маршал А. М. Василевский, начальник Генерального штаба, в беседе в К.М. Симоновым упоминал, что такой спор и вовсе не припомнит²¹.

И в настоящее время многие документы из фондов центральных управлений Красной армии остаются секретными. Материалы совещаний в Ставке ВГК также до сих пор находятся под грифом. Вместе с тем в последнее время были рассекречены многие документы из фондов фронтов и армий. Это в значительной степени расширило источниковую базу.

Анализ совместной работы Ставки и штаба 1-го Белорусского фронта в ходе планирования Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион» (23.6.44-29.8.44) в апреле-мае 1944 года с указанием трех предлагавшихся вариантов действий войск уже представлялся автором в одной из своих статей²². По архивным источникам и мемуарам была сделана первая попытка описать общий ход принятия плана с «двумя главными ударами».

В то же время следует отметить, что фронт Рокоссовского наступал в данной местности с ноября 1943 г. и, как указывалось в ранее секретной работе военно-научного управления Генерального штаба, к концу ноября войска Рокоссовского «освободили часть восточных районов Белоруссии и вышли в основном на тот рубеж, с которого в июне 1944 г. начали Бобруйскую операцию (составная часть Белорусской стратегической операции. – М. С.)»²³. И если даже предположить, что три месяца войска в Белоруссии «стояли на месте» (хотя это утверждение для фронта Рокоссовского неприменимо), постоянно проводя наступательные операции, то опыт этих мог в дальнейшем использоваться. Соответственно, логично предположить, что все три предлагавшихся в апреле-мае 1944 г. штабом фронта Рокоссовского плана боевых действий войск вытекали из ранее предпринимавшийся операций.

Концепция нанесения «двух главных ударов» появилась, по-видимому, не случайно и была принята исходя из опыта ранее предпринятых операций фронта, с учетом допущенных ошибок. Анализ связи зимних наступлений и предложений Рокоссовского по действиям войск его фронта весной 1944 года позволяет установить логику действий командующего фронтом и продемонстрировать, что эти два удара – результат длительной кропотливой работы.

Теория процессов принятия решений утверждает, что основой для поиска решения той или проблемы является опыт лиц, принимающих решения²⁴. То есть именно опыт определяет решение, в случае с планированием – план последующих действий опирается на действия предыдущие.

В то же время в работах, в которых затрагиваются эпизоды планирования Белорусской операции и Бобруйской наступательной операции, на эту взаимосвязь внимания не общается. Да и в целом стоит признать, что боевые действия Белорусского фронта зимой 1943–1944 гг. до недавнего времени оставались буквально «белым пятном» в истории Великой Отечественной.

Белорусская стратегическая наступательная операция, проведенная летом 1944 г., по своему масштабу и достигнутым успехам превзошла все ранее проведенные наступательные операции Красной армии. В то же время, оставив столь яркий след в истории, она затмила целую череду наступательных операций Красной армии конца 1943 – начала 1944 г., целью которых было освобождение Белоруссии.

²⁰ Телегин К. Ф. Войны неслучайные версты. М.: Воениздат, 1988. С. 292–293.

²¹ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М.: Изд-во Агентства печати Новости. 1988. С. 463.

²² Синицын М. В. 1-й Белорусский фронт и стратегическое планирование операции «Багратион» в апреле-мае 1944 г. // Российская история. 2015. № 1. С. 29–45.

²³ Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. 1941–1945. Т. 2 – М.: Воениздат. 1958. С. 391.

²⁴ Кузьмина Л. П. Развитие теории принятия решений в менеджменте // Вестник КГЭУ. 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-teorii-prinyatiya-resheniy-v-menedzhmente> (дата обращения: 04.10.2019).

В многотомном труде «Германский рейх и Вторая мировая война» период с осени 1943 г. по май 1944 г. известный немецкий историк К.-Х. Фризер называет не иначе как «забытым годом войны»²⁵.

В советской же историографии укрепились мнение, что все фронты, наступавшие в Белоруссии, с осени 1943-го оказались на второстепенном направлении²⁶. Поэтому их главной задачей было сковать силы противника, и с этой задачей они справились. Так, в вышедшей во времена Брежнева двенадцатитомной истории Второй мировой войны утверждалось, что наступавшие в Белоруссии «фронты сковали основные силы мощной по своему составу группы армий „Центр“, не позволяя немецко-фашистскому командованию за счет ее сил оказывать помощь группам армий „Юг“, „А“ и „Север“, терпевшим в то время тяжелейшие поражения»²⁷. В результате в советской историографии укоренилась теория о том, что действия этих фронтов носили вспомогательный характер и потому интереса для изучения не представляют. Тем не менее именно эти бои оказали существенное влияние при планировании операции «Багратион», а командиры частей получили существенный опыт действий в лесисто-болотистой местности. Потому эти бои требуют разбора в данной работе.

В первой декаде октября войскам, наступавшим в Белоруссии, были даны директивы Ставки ВГК на овладение Минском (Центральному фронту, с 20.10 – переименован в Белорусский), Вильнюсом (Западному фронту) и Ригой (Калининскому фронту)²⁸.

Стоит признать, что и впоследствии Ставка ВГК регулярно направляла фронтам приказы на наступление. Поэтому в шеститомной советской «Истории Великой Отечественной войны», написанной в 1962 г., в период оттепели, непосредственно на И. В. Сталина возлагалась вина за то, что Ставка ВГК ставила фронтам невыполнимые задачи, не обеспечивая фронты необходимыми силами и средствами²⁹.

В целом же в советской историографии об операциях на западном направлении почти не упоминалось. Говоря о Белорусском фронте, упоминались лишь две успешные наступательные операции³⁰, а обо всем остальном периоде умалчивалось.

В уже упоминавшемся четырехтомном труде Военно-исторического отдела Генштаба, издававшемся под грифом «Секретно», также указывается, что фронтам в Белоруссии удалось сковать силы 36 немецких дивизий, что значительно облегчило действия на Украине³¹. О действиях же фронта после Гомельско-Речицкой операции (10–30.11.43) и вовсе ничего не упоминается вплоть до начала операции «Багратион».

В труде Ю. В. Плотникова³² описываются лишь отдельные боевые эпизоды, без общего анализа оперативной обстановки на участке Белорусского фронта. То же можно сказать и о книге К. А. Маланьина «Разгром врага в Белоруссии»³³.

²⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg / Hrsg. vom Militärgeschichtlichen Forschungsamt. Bd. 8: Die Ostfront 1943/44: der Krieg im Osten und an den Nebenfronten. Stuttgart: Dt. Verl.-Anst., 2007. S. 277.

²⁶ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Том 8. Крушение оборонительной стратегии фашистского блока. М.: Воениздат, 1977. С. 137.

²⁷ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Том 8. Крушение оборонительной стратегии фашистского блока. М.: Воениздат, 1977. С. 137.

²⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). М: Терра, 1999. С. 213, 215, 219.

²⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. в 6 томах / Том 4. Изгнание врага из пределов Советского Союза и начало освобождения народов Европы от фашистского ига (1944 год). М.: Воениздат, 1962. С. 101.

³⁰ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 136–137; История Великой Отечественной войны... С. 99–100.

³¹ Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. 1941–1945. Т. 2. М.: Воениздат, 1958.

³² Плотников Ю. В. В сражениях за Белоруссию. Минск: Изд-во Беларусь, 1982.

³³ Маланьин К. А. Разгром врага в Белоруссии (1944 год). М.: Воениздат, 1961.

Стоит также отметить диссертацию Л. С. Золотова³⁴, в которой частично затрагиваются наступательные действия фронта зимой 1943–1944 гг. Но так как цель диссертационного исследования была поставлена достаточно широко, подробно на этих операциях автор не останавливается.

Биографы Рокоссовского зачастую за зиму 1943–1944 гг. упоминают лишь поездку Рокоссовского в штаб 1-го Украинского фронта для помощи в организации работы штаба командующему 1-го Украинского фронта Н. Ф. Ватутину. В книге Свистунова «Сказание о Рокоссовском»³⁵ за промежуток ноябрь 1943 – май 1944 описываются лишь два случая о Рокоссовском. О его поездке к генералу Ватутину в декабре 1943-го и о споре с подчиненным Рокоссовскому командующим 3-й армии А. В. Горбатовым относительно боевого использования армии в ходе Рогачевско-Жлобинской наступательной операции (21–26.2.44).

Корольченко³⁶ упоминает за весь период лишь о случае с Ватутиным, Константинов³⁷, подробно описывая события октября-ноября 1943 года, на боевые действия частей фронта вплоть до операции «Багратион» оставляет лишь две страницы, из которых полторы описывают Калининско-Мозырскую операцию. Более того, Константинов пишет, что «...на Белорусском фронте в декабре 1943 года наступило затишье. Столкновения с врагом ограничились лишь боями местного значения»³⁸. Кардашов упоминает Ватутина, Калининско-Мозырскую и Рогачевско-Жлобинскую операции³⁹. Радченко же также упоминает о Ватутине, о трудной местности, в которой пришлось наступать войскам Рокоссовского и затем сразу же переходит к планированию операции «Багратион»⁴⁰.

Мало упоминалось о действиях Белорусского фронта зимой 1943–1944 гг. и в мемуарной литературе. Так, Г. К. Жуков упоминал лишь о том, что «Западному направлению ставилась задача возможно большего освобождения территории Белоруссии»⁴¹, и даже Рокоссовский в своих мемуарах периоду с декабря по апрель 1944 г. посвятил лишь полторы страницы⁴². В книге «Полководцы и военачальники Великой Отечественной» П. И. Батов, описывая полководческий талант Рокоссовского, приводит операцию на Лоевском плацдарме в ноябре 1943 г. и далее – сразу пишет уже об операции Белорусской⁴³.

Воспоминания о событиях зимы оставили командующие 3-й и 65-й армиями П. И. Батов⁴⁴ и А. В. Горбатов⁴⁵, а также М. Ф. Панов⁴⁶ – командир 1-го гвардейского танкового корпуса, находившегося в составе Белорусского фронта.

В воспоминаниях отражается положение в соединениях этих командиров. События на уровне фронта описывает член Военного совета Белорусского фронта К. Ф. Телегин⁴⁷. Однако в его воспоминаниях содержатся неточности. Так, он упоминает, что был в декабре 1943 г.

³⁴ Золотов Л. С. Полководческая деятельность К. К. Рокоссовского в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

³⁵ Свистунов И. Указ. соч. С. 184.

³⁶ Корольченко А. Ф. Указ. соч. С. 97–107.

³⁷ Константинов К. Указ. соч. С. 223–224.

³⁸ Константинов К. Указ. соч. С. 223.

³⁹ Кардашов В. И. Указ. соч. С. 349–350.

⁴⁰ Радченко В. К. Указ. соч. С. 168–169.

⁴¹ Жуков Г. К. Указ. соч. С. 192.

⁴² Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 245–247.

⁴³ Батов П. И. Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М.: Молодая гвардия, 1970. С. 278–279.

⁴⁴ Батов П. И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1974.

⁴⁵ Горбатов А. В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1989.

⁴⁶ Панов М. Ф. На направлении главного удара: Воен. – ист. очерк о боевом пути 1-го гвард. танкового Дон. корпуса. М., 1995.

⁴⁷ Телегин К. Ф. Указ. соч.

в штабе 65-й армии в Паричах⁴⁸, хотя Паричи были освобождены лишь 26 июня 1944 г. в ходе летнего наступления.

В белорусской историографии в силу отсутствия доступа к фондам Центрального архива Министерства обороны РФ об операциях на западном направлении дается лишь общая информация. Так, в сборнике работ конференции, посвященной 70-летию освобождения Белоруссии, две работы были посвящены операциям в белорусском Полесье⁴⁹. При этом в обеих работах отсутствуют сноски на архивные документы.

В отечественной историографии первые исследования действий Белорусского фронта появились сравнительно недавно. В 2012 г. был издан 4-й том из двенадцатитомника «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», в котором частично отражены действия войск фронта генерала Рокоссовского⁵⁰. К 70-летию освобождения Белоруссии Институтом истории НАН Беларуси совместно с Институтом военной истории МО РФ была подготовлена книга⁵¹, в которой описываются действия Белорусского фронта в период с января по февраль 1944 г. Однако и в двух последних работах не обращается внимание на логику планирования наступательных операций штабом Рокоссовского.

Также стоит отметить книгу А. В. Исаева об «Операции «Багратион»⁵². Рассматривая боевые действия зимой-весной 1943–1944 гг., он много уделяет внимания Западному и 1-му Прибалтийскому фронту, практически не упоминая о действиях Белорусского фронта.

Исходя из рассмотренного списка работ, стоит отметить, что к настоящему моменту в отечественной историографии не уделялось должного внимания вопросам изучения наступательных действий фронта К. К. Рокоссовского в предшествующий Белорусской операции период.

Без этого же невозможно должным образом проанализировать процесс планирования Бобруйской операции. Это можно назвать главной причиной неточностей в работе А. В. Исаева, где основным аргументом в пользу неправоты Рокоссовского (что на самом деле, по мнению Исаева, спора Рокоссовского со Сталиным не было) выступает его мартовский план наступательных действий. Но ведь фронт вел боевые действия и до, и после документа от 4 марта.

Для того чтобы детально проанализировать ход планирования операции, необходимо проследить логику принятия решений Рокоссовским, попробовать установить взаимосвязи между операциями зимы 1943–1944 гг. и этапами планирования летнего наступления.

⁴⁸ *Телегин К. Ф.* Указ. соч. С. 272.

⁴⁹ *Долготович Б. Д.* Боевые действия в белорусском полесье в осенне-зимний период 1943–1944 гг. // Беларусь: памятное лето 1944 года: материалы Междунар. научн. – практ. конф., посвящ. 70-летию освобождения Беларуси от нем. – фашист. захватчиков (Минск, 19–20 июня 2014 г.). Минск: Беларуская навука, 2015. С. 204–212; *Токаревский А. В.* Развитие военного искусства в операциях на гомельщине в 1943–1944 гг. // Беларусь: памятное лето 1944 года... С. 212–215.

⁵⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. М.: Кучково поле, 2012.

⁵¹ Освобождение Беларуси. 1943–1944. Минск: Беларуская навука, 2014.

⁵² *Исаев А. В.* Операция «Багратион». «Сталинский блицкриг» в Белоруссии. М.: Яуза; Эксмо, 2014.

1-2. Действия Белорусского фронта генерала Рокоссовского на бобруйском направлении с октября 1943 г. по начало февраля 1944 г.

1 октября 1943 г. на Центральный фронт поступила директива Ставки ВГК № 30208 «На разгром жлобинско-бобруйской группировки противника и овладение Минском»⁵³. Почти одновременно, 1 октября и 8 октября, были поставлены задачи наступавшим севернее Западному и Калининским фронтам. Западный должен был наступать с целью овладения городом Вильнюсом, а Калининский – Ригой.

Согласно директиве, Центральному фронту предписывалось, «наносить главный удар в общем направлении Жлобин, Бобруйск, Минск, разгромить жлобинско-бобруйскую группировку противника и овладеть столицей Белоруссии – Минском»⁵⁴. Отдельная группа войск выделялась для наступления по северному берегу р. Припять на Калинковичи. Войскам фронта передавались три армии Брянского фронта (правого соседа): 3-я ген. – лейт. А. В. Горбатов, 50-я ген. – лейт. И. В. Болдина, 63-я ген. – лейт. В. Я. Колпакчи (22 стрелковые дивизии). Одновременно к южному соседу, Воронежскому фронту, убывали 13-я и 60-я армии (17 стрелковых дивизий). Появляется в этот период в документах и «бобруйское направление». Во втором томе «Операций советских вооруженных сил...» указывалось, что уже в начале ноября Белорусский фронт должен был развивать наступление на «гомельско-бобруйском направлении»⁵⁵. Отметим при этом, что сам Бобруйск будет освобожден лишь через 8 месяцев.

Между Северо-Западным и Калининским фронтами на базе полевого управления Брянского фронта (силы которого были распределены между Западным и Центральным фронтами) развертывался Прибалтийский фронт.

Если взглянуть на карту, то хорошо видно, что все фронты от Центрального до Калининского наступали в общем направлении на северо-запад. Вероятно, планировалось, выйдя к Балтийскому морю, отрезать группу армий «Север». Отчасти это подтверждает и И. Х. Баграмян, указывавший в мемуарах, что мероприятия на 1-м Прибалтийском фронте развертывались с целью «нанести поражение вражеской группе армий „Север“ и очистить часть Белоруссии, Псковщину, Эстонию и Латвию»⁵⁶.

4 октября командующий Центральным фронтом Рокоссовский направил в Ставку ВГК план наступления войск⁵⁷. Предполагалось к 19 октября выйти на рубеж Рогачев, Жлобин, Калинковичи, а уже 11 ноября овладеть Минском. Операцию планировалось начать 10 октября.

К тому моменту войскам Центрального фронта удалось форсировать р. Днепр и выйти к р. Сож в районе Гомеля. Ко 2 октября переданной из состава Брянского фронта 3-й армии (ген. – лейт. А. В. Горбатов) удалось захватить три плацдарма на р. Сож севернее Гомеля. У армии было слабое обеспечение по причине бездорожья, а стрелковые дивизии доукомплектовывались лишь за счет пополнения партизанами и из команд выздоравливающих – в госпиталях и медсанбатах.

⁵³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 239–240. Цит. по: Освобождение Беларуси... С. 183, 184.

⁵⁴ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 239–240. Цит. по: Освобождение Беларуси... С. 183, 184.

⁵⁵ Операции советских вооруженных сил... Т. 2. С. 389.

⁵⁶ Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 257.

⁵⁷ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 3. Л. 46–52.

В директиве Ставки ВГК штабу Центрального фронта было указано лишь общее направление главного удара: Жлобин, Бобруйск, Минск. Командование фронта решило нанести удар силами прежде всего левого крыла. Здесь, в районе южнее Гомеля, основные силы фронта наступали в лесисто-болотистом массиве в междуречье Сожа и Днепра и сталкивались со значительными трудностями. 6 октября были изданы частные директивы армиям фронта. Планировалось, что уже к 19 октября войска фронта выйдут на рубеж Рогачёв – Шацилки⁵⁸ – ст. Останковичи⁵⁹. 7 октября на Сож в штаб наступавшей там 65-й армии (ген. – лейт П. И. Батов) прибыл начальник штаба Центрального фронта ген. – полк. Малинин. Он передал приказ штаба фронта – перебросить армию южнее места впадения Сожа в Днепр, с целью внезапно форсировать реку и нанести удар во фланг Гомельской группировке противника.

65-я и 61-я армии были на направлении главного удара. Обе армии на 10 октября насчитывали 160 699 тысяч человек (102 849 в 61-й и 57 850 в 65-й), в составе 61-й армии находился 9-й танковый корпус, армия имела 119 исправных танков и 43 в ремонте⁶⁰. Таким образом, в двух армиях было сосредоточено 39 % от всей численности фронта в 411 500, в составе которого всего было 6 армий. И, немного забегаая вперед, отмечу, что большая часть сил всего фронта будет направляться именно на этот участок вплоть до окончания наступательных действий в апреле 1944 г. Армию, как и прежде, поддерживал 4-й артиллерийский корпус прорыва РГК⁶¹. В этой связи эти два соединения будут прорывать оборону противника и под Бобруйском, до июня 1944-го корпус будет находиться на участках 65-й и соседней 48-й армии. Форсирование Днепра было назначено на 15 октября. На севере 50-я и 3-я армии наносили вспомогательный удар. 48-я армия во взаимодействии с 65-й армией наносила удар в обход Гомеля с севера.

Рано утром 12 октября, за три дня до начала форсирования, войска правого крыла фронта в составе 50-й и 3-й армий перешли в наступление. В скором времени противник усилил район. Приведем небольшую выдержку из журнала боевых действий 413-й стрелковой дивизии 50-й армии: «Расчет (наступления. – М. С.) строился на слабое сопротивление противника и внезапность действий, так как отсутствие средств артиллерийского усиления и недостаток снарядов 120 мм мин совершенно не обеспечивали выполнение задачи <...> В 4:00 <...> 1320-й, 1322-й сп начали наступление, но успеха не имели. В 6:30 до двух рот пехоты противника (власовцы)... контратаковали 1-й и 2-й сп»⁶². В 9:00 14.10 была предпринята новая атака. Войска ворвались в первую линию траншей, но контратакой противника были оттуда выбиты. Один день таких «боев местного значения» стоил только одной дивизии 578 раненых и 234 убитых. При этом пополнение, главным образом из местного населения, в октябре пришло лишь в размере 1812 человек. То есть эти солдаты фактически даже не умели держать в руках оружие, будучи призванными сразу на фронт.

К вечеру 12 октября наступление остановилось. Тогда генерал А. В. Горбатов просит «прирезать» ему 15-километровый участок соседней 50-й армии с целью провести форсирование там, полагаясь на эффект внезапности⁶³. Решение было утверждено, новое наступление войск 3-й армии должно было состояться 25 октября.

С 12-го по 15 октября продолжалась подготовка наступления войск левого крыла. Для сосредоточения сил на направлении главного удара при форсировании Днепра на 20-километровом фронте была оставлена лишь одна дивизия⁶⁴.

⁵⁸ Ныне – город Светлогорск.

⁵⁹ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 21. Л. 75-76.

⁶⁰ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 62. Л. 40.

⁶¹ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 222.

⁶² ЦАМО РФ. Ф. 1735. Оп. 1. Д. 58. Д. 29.

⁶³ Горбатов А. В. Указ. соч. С. 234–235.

⁶⁴ Батов П. И. В походах и боях. С. 325.

15 октября 1943 года войска 61-й и 65-й армий форсировали р. Днепр в районе Лоева и вступили на территорию Белоруссии. Развить наступление эти соединения не смогли из-за трудностей с подвозом боеприпасов и из-за прибывших резервов противника⁶⁵. Подробно боевые действия при форсировании Днепра описываются в книге Ф. А. Свинтицкого «Лоевский плацдарм»⁶⁶.

20 октября Центральный фронт был переименован в Белорусский.

25 октября после артналета началось наступление 3-й армии на правом крыле войск фронта. В первый день был захвачен плацдарм шириной 6 км и глубиной в 15 км. Таким образом в руках армии оказалось уже 4 плацдарма, контратаки противника на них проходили до конца октября месяца.

Впоследствии за решение отдать приказ наступать войскам северного крыла штаб фронта пытался словно «оправдаться». Рокоссовский писал в своих мемуарах: «С болью в сердце ставил я им эти задачи, зная ограниченные средства, которыми располагали Болдин (командующий 50-й армией. – М. С.) и Горбатов, но это было необходимо в общих интересах и нужно было сознательно идти на некоторые жертвы»⁶⁷. А член Военного совета фронта ген. – лейт. Телегин писал: «Военный совет фронта вынужден был поставить перед этими армиями задачу на наступление севернее Гомеля. Именно вынужден, ибо было известно, что переданные нам войска так же, как и те, что ранее входили в состав нашего фронта, прошли с боями сотни километров, пришли к берегам Сожа уставшими до предела»⁶⁸. Горбатов же, если судить по его мемуарам, напротив, считал свое направление более перспективным, что приводило к спорам со штабом фронта. Эти противоречия в феврале 1944-го приведут к конфликту между командующим армией и Рокоссовским, когда Горбатов, не согласный с решением командующего фронтом, напишет письмо в Ставку ВГК.

31 октября Рокоссовский направил Верховному главнокомандующему доклад с оценкой действий войск фронта. Причинами неудачных наступлений Рокоссовский указывал нехватку сил и необеспеченность боеприпасами⁶⁹. На 10 октября в 3-й армии было всего 5 исправных танков (63 в ремонте), в 50-й армии – 50 исправных танков, в 48-й армии – 3 исправных, 8 в ремонте, в 65-й – 12 танков, 46 в ремонте, в 61-й – 119 танков, 43 в ремонте (за счет того, что именно в 61-й армии находился 9-й танковый корпус.

В 50-й и 3-й армиях всего было 8 орудий 152 мм, 163 орудия 122 мм, 460 орудий 76 мм. В 61-й и 65-й армиях (наступавших на направлении главного удара) насчитывалось 47 орудий 203 мм, 173 орудий 152 мм, 437 орудий 122 мм, 900 орудий 76 мм. При этом фактическая обеспеченность 3-й армии по боеприпасам 122 мм на 10 октября составляла 0,7 боекомплекта (56 снарядов на орудие), снарядов 152 мм не было вовсе (в армии имелось 8 орудий), порядка 1 боекомплекта (140 снарядов) на одно орудие⁷⁰. К 10 октября в 65-й и 61-й армиях вовсе не имелось снарядов 122 и 152 мм, к 15 октября удастся довести обеспеченность 61-й армии снарядами 122 мм до 0,8 боекомплекта (64 снаряда на орудие), в 65-й армии снарядов 122 мм по-прежнему нет, имеется лишь 0,2 боекомплекта 152 мм снарядов (12 снарядов на орудие), еще на 0,3 б/к на армейских складах (18 снарядов на орудие). К 20 октября на армейские базы 65-й армии доставляются два боекомплекта боеприпасов 152 мм, но к тому моменту наступление войск армии уже остановлено.

⁶⁵ ЦАМО РФ. Ф. 2333. Оп. 207. Д. 3. Л. 79–87; Освобождение Беларуси... С. 327–328.

⁶⁶ Свинтицкий Ф. А. Лоевский плацдарм. Могилев: МГУП, 2014.

⁶⁷ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 235–236.

⁶⁸ Телегин К. Ф. Указ. соч.; Горбатов А. В. Указ. соч. С. 234.

⁶⁹ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 3. Л. 79–87.

⁷⁰ ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 107. Л. 229.

В докладе Рокоссовского от 31 октября упоминался и провал общего наступления на Минск. В докладе говорилось: «Вначале медленное восстановление железных дорог, а затем – перебазирование Брянского фронта и большие оперативные перевозки лишили возможности подвезти войскам предусмотренное планом количество боеприпасов. Это явилось основной причиной невыполнения в срок поставленных Вами задач»⁷¹. Исходя из данных по материальному обеспечению войск фронта, следует сделать вывод, что с боеприпасами в войсках фронта проблемы действительно были.

За октябрь месяц фронт потерял 25 926 убитыми и пропавшими без вести, ранеными – 76 004 человека⁷². Потери убитыми и ранеными 65-й армии составили 28 509, и это 53 % от численности армии на 7 октября в 53 699 человек⁷³.

Решение командующего фронтом, исходя из сложившейся обстановки, было следующим. Комфронта предлагал приостановить наступление войск правого крыла (50-й и 3-й армий) и сосредоточить основные усилия на левом фланге, где 61-я, 65-я и 48-я армии должны будут прорвать оборону противника с плацдарма под Лоевом, занятым при форсировании 15 октября. Правее атаковали соединения 63-й и 11-й армий на жлобинском направлении, а в зависимости от их результата завязывали бои 3-я и 50-я армии на рогачевском направлении. Опять же поражает масштаб ожидаемых результатов: уже к 5 декабря 11-я и 48-я армии должны были овладеть Бобруйском⁷⁴. 15 октября в состав фронта вошел 1-й гвардейский танковый корпус в составе трех бригад (15, 16, и 17-я), в каждой бригаде по 65 танков. Корпусу было приказано войти в прорыв на участке 65-й армии.

Фронту противостояла 9-я немецкая армия под командованием генерала танковых войск В. Моделя. 4 ноября ему на смену приходит Й. Харпе. В 1942–1943 гг. 9-я армия Моделя обороняла Ржев, Харпе с января 1942 г. был командиром 41-го танкового корпуса, входившего в состав армии. Опыт сдерживания советских войск был как у Моделя, так и у Харпе. Армия занимала линию фронта от Новоселков (20 км северо-восточнее Гомеля) до района Чаус (восточнее Могилева).

От Новоселков и далее на юг перед фронтом Рокоссовского стояли части 2-й немецкой армии (ген. – полк. В. Вайс): 35-й армейский корпус (генерал от инфантерии Ф. Визе) и 46-й танковый корпус (генерал от инфантерии Х. Гольник). Вайс до 1 июля 1942 г. командовал 26-й пехотной дивизией, которая вела бои в районе Невеля, затем он передал эту должность Ф. Визе, став командиром 27-го армейского корпуса. 3 февраля 1943 г. Вайс был назначен командующим 2-й армией. Визе 5 августа был назначен командиром 35-го армейского корпуса. Генерал Гольник с октября 1941 г. командовал 36-й моторизованной (с 1 мая 1943 – пехотной) дивизией, в 1942–1943 гг. дивизия вела бои под Ржевом в составе 46-го танкового корпуса. В августе 1943 г. Гольник был назначен командующим корпусом.

10 ноября 1943 г. началась Гомельско-Речицкая наступательная операция войск Белорусского фронта. Замысел операции состоял в глубоком охвате гомельской группировки противника с юга и выходе на ее коммуникации. В 65-й армии к тому моменту материальное обеспечение было доведено до 1 боекомплекта 152-мм снарядов и 0,3 б/к 122-мм снарядов.

40 минут длилась артподготовка. Через четыре часа после начала атаки на участке 65-й армии в бой был введен 1-й гвардейский танковый корпус Панова. Вместе с ним в прорыв входили конные соединения. Корреспондент «Красной звезды» П. И. Трояновский писал: «Мне известно, как остро дебатировался перед наступлением вопрос об использовании в бою конницы. Ведь в современном бою, насыщенном массой техники и автоматического оружия, она

⁷¹ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 3. Л. 79–87.

⁷² ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 62. Л. 44.

⁷³ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 139. Л. 284.

⁷⁴ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 13. Л. 4.

была довольно уязвимой. И вот штаб 65-й армии, штабы кавалерийских и танковых корпусов в конце концов пришли к единому решению: „заковать“ кавалеристов в своеобразные танковые ромбы. Делалось это на практике так. В каждом танковом корпусе две бригады клином входили в прорыв, по мере продвижения расширяя его основание. А в расчищенный танками район тут же врываются кавалерийские корпуса. За ними начинали двигаться третьи бригады танковых корпусов, образуя как бы тыльную часть ромба. Такое построение боевого порядка надежно ограждало конницу от контрударов противника»⁷⁵. Подобное построение комфронта Рокоссовский утверждает и в июне 1944-го при формировании конно-механизированной группы.

При прорыве обороны противника 65-я армия насчитывала 8 стрелковых корпусов. Батов вспоминал, что такое решение принимал лично Рокоссовский⁷⁶. Успех операции позволил комфронту опереться на этот случай как на положительный опыт при планировании Бобруйской операции в 1944 г. Тогда в ходе планирования предполагалось укрепить 3-ю армию, которая должна была насчитывать 6 стрелковых корпусов.

15 ноября была перерезана железная дорога Гомель – Калинковичи, и противник был вынужден начать отступать. Появилась брешь в обороне противника, в которую и вошли в прорыв части фронта.

Это заставило противника снять части с фронта 3-й армии Горбатова. В своих мемуарах он вспоминал о действиях противника: «Возможно, они перебрасывают подкрепление на участок юго-западнее Гомеля, к Речице, где наши войска уже месяц ведут упорные, но безрезультатные наступательные бои»⁷⁷. Назвать действия войск левого крыла в ноябре 1943-го «безрезультатными» трудно. Но в этом и начинает проявляться конфликт между Горбатовым и Рокоссовским. 35-й армейский корпус оказывается отрезанным от основных сил 2-й армии, и в конце ноября корпус передается в состав 9-й армии. 41-й танковый корпус 9-й армии под командованием генерала артиллерии Г. Вейдлинга, оборонявшийся под Чаусами, передает часть своих соединений соседним корпусам, а остальными силами (в том числе 36-й пехотной дивизией) направляется в район Паричей с целью закрыть брешь в обороне.

⁷⁵ Трояновский П. И. На восьми фронтах. М.: Воениздат, 1982. С. 166.

⁷⁶ Батов П. И. В походах и боях. С. 357–358.

⁷⁷ Горбатов А. В. Указ. соч. С. 237.

Уличные бои в Гомеле. Источник: БГМИВОВ

22 ноября началось наступление 3-й армии с плацдарма на р. Сож. К этому моменту численность дивизий была увеличена до 5 тысяч человек. За три дня наступления армия продвинулась на 40–50 км. 80-й корпус 3-й армии вышел к Днепру у Новобыхова, тем самым войска 3-й армии нависли над гомельской группировкой врага с севера. В связи, как пишет немецкий историк Фризер, с «критическим положением» на северном участке 9-й армии ее части вынуждены были отойти за Днепр⁷⁸. То есть первоочередную роль Фризер отводит именно 3-й армии. 24 ноября лично А. Гитлер отдает приказ об оставлении Гомеля⁷⁹.

26 ноября Гомель был освобожден. Войскам, участвовавшим в освобождении Гомеля, приказом Верховного главнокомандующего от 26 ноября 1943 года была объявлена благодарность, в Москве дан салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий⁸⁰.

Войска 65-й армии, войдя в прорыв, создали выступ глубиной около 30 км в бобруйском направлении⁸¹. Прорыв соединений Белорусского фронта с Лоевского плацдарма проходил в полосе 2-й немецкой полевой армии, ее соседом с севера была 9-я армия. В связи с образованием бреши под Лоевом части 2-й армии оказались «разрезаны». Поэтому немецким командованием было принято решение передать все части 2-й армии, оставшиеся севернее участка прорыва – в подчинение 9-й армии.

⁷⁸ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. S. 329.

⁷⁹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. S. 329.

⁸⁰ Приказы Верховного главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М.: Воениздат, 1975. С. 79–81.

⁸¹ ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 10496. Д. 559. Л. 10.

Танки 1-го гв. танкового корпуса освобождают Речицу. Источник: БГМИВОВ

Проведенные советскими частями наступательные действия создали «Паричский выступ», вдающийся в Бобруйском направлении более чем на 30 км⁸².

Немецкое командование начало подготовку к контрудару. Уже 28 ноября последовал доклад штаба 9-й армии в группу армий «Центр» с оценкой ситуации⁸³. Соотношение сил оценивалось как 1:7. В связи с тем, что в составе 9-й армии находились лишь пехотные соединения и отсутствовали резервы, ее штаб запросил для ликвидации прорыва танковую дивизию с поддерживающими соединениями.

3 декабря штаб группы армий информировал⁸⁴, что 9-й армии придается 16-я танковая дивизия, а для ее поддержки следует использовать находящуюся под Рогачевом 1-ю пехотную бригаду СС. Все открытые разговоры о плане, которому было присвоено кодовое наименование «Николаус», запрещались.

6 декабря был подготовлен план операции⁸⁵, согласно которому 16-я танковая дивизия совместно с 1-й пехотной бригадой СС, 253-й и 134-й пд наступала из района Паричей. Характерно, что 134-й пехотная дивизия в Паричах ранее уже была, в 1941 году именно она занимала этот населенный пункт.

Из района Озаричей навстречу выдвигалась 2-я армия. Ее состав в документе для штаба 9-й армии не указан. Координировал операцию и связь между армиями командир 41-го танкового корпуса 9-й армии Г. Вейдлинг. Весь план операции готовился в штабе группы армий. Целью операции являлась ликвидация прорыва и занятие железнодорожной рокады Жлобин – Калинковичи.

Лесисто-болотистая местность была, по сути, основным «профилем» 9-й немецкой армии, которая ранее в течение года вела бои подо Ржевом. Через Ржев прошли: командующий армией Й. Харпе (как командующий 41-м танковым корпусом), начальник штаба 9-й армии

⁸² ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 10496. Д. 559. Л. 10.

⁸³ National Archives and Records Administration (далее – NARA) T312 R330 F7900794-7900795.

⁸⁴ National Archives and Records Administration (далее – NARA) T312 R330 F7900791-7900792.

⁸⁵ National Archives and Records Administration (далее – NARA) T312 R330 F7900785-7900790.

ген.-м. Х. Штаедке (в должности начальника оперативного отдела 20-й танковой дивизии), начальник оперативного отдела армии полк. Й. Хольц (в той же должности), командир 41-го танкового корпуса Г. Вейдлинг (в должности командира 86-й пехотной дивизии). Также прошли Ржев командующий 2-й немецкой армией В. Вайс (как командир 26-й пехотной дивизии) и начальник оперативного отдела армии Э.-А. Лассен (в должности начальника оперативного отдела той же дивизии).

У Рокоссовского и всего его штаба, члены которого следовали за своим командиром еще из 16-й армии, опыта ведения боевых действий в лесисто-болотистой местности не было. Зато был хороший опыт обороны (16-я армия участвовала в обороне Москвы в 1941 г., Центральный фронт участвовал в Курской битве). Штаб фронта действовать в обороне к 1944 году умел.

В конце ноября – начале декабря 65-я армия, вырвавшись на оперативный простор, стремительно продвигалась к Бобруйску. В течение первой декады декабря командарм-65 Батов сосредоточил у Паричей 19 стрелковый корпус. 4 декабря войска 65-й армии пытаются в очередной раз занять Паричи⁸⁶. 8 декабря после 20-минутной артподготовки попытка была повторена. 16 ВА произвела 100 самолетовылетов в основном на штурмовку в районе действий войск 65 А. Поселок советским войскам взять не удалось.

10 декабря 121-я гв. сд 3-й армии, 287-я и 387-я стрелковые дивизии 63-й армии выведены в резерв для передачи 1-му Украинскому фронту. В этот же день Батов приказывает войскам у Паричей, в частности, 19-му и 27-му стрелковым корпусам, перейти к обороне⁸⁷.

Благодаря открытому фронту под Паричами (западнее населенного пункта немецкая оборона отсутствовала) тесный контакт был установлен с партизанскими соединениями. 10 декабря был издан приказ, по которому бывшие партизаны становились под воинскую присягу и вступали в ряды армии. Всего Белорусский фронт получил около 10 тысяч человек⁸⁸. 29 ноября 1943 г. 1-я Бобруйская партизанская бригада, а вместе с нею и Бобруйский подпольный РК КП(б)Б соединились с частями Советской армии, и по решению военного совета 65-й армии и с санкции Минского подпольного обкома КП(б)Б бригада была расформирована 25 декабря 1943 г.⁸⁹

Из бригады оставлено 106 человек для истребительного отряда и 58 для «партийно-советского» аппарата Бобруйского района и города.

10 декабря 1943 г. партизанский отряд им. Кирова, а вместе и с ним и Паричский обком, соединился с 37-й гв. сд во время боя за д. Хутор. После этого обком вышел из подполья и начал вести деятельность по восстановлению народного хозяйства. Таким образом, под самим Бобруйском вплоть до освобождения партизанских соединений не оставалось.

В это время командарм-65 Батов сосредотачивал свои основные силы севернее Калинковичей, пытаясь охватить железнодорожный узел с востока. Вошедшие в прорыв дивизии оказались в труднопроходимых районах. В лесисто-болотистой местности огромное значение принимали железнодорожные и шоссейные магистрали. Без овладения Калинковичами становилось трудно снабжать войска, так как основные дороги проходили именно через этот узел. В свою очередь, немецкое командование понимало, что в случае овладения городом советские войска получают возможность развить прорыв в сторону Бобруйска, что отрезало бы основные части 9-й армии, находившиеся восточнее Березины.

15 декабря 65-я армия силами 95-го и 18-го ск пыталась перейти в наступление на юго-запад с целью срезать Калинковичский выступ. Успеха армия не имела. И только после этого

⁸⁶ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 49. Л. 7.

⁸⁷ Журнал боевых действий войск 65-й армии за декабрь // ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 1496. Д. 148. Л. 6–37.

⁸⁸ Освобождение Белоруссии. 1944. М.: Издательство «Наука», 1974. С. 565.

⁸⁹ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 1440. Оп. 3. д. 527. Л. 71.

неудачного наступления в районе Калинковичей Батов принял решение перейти к прочной обороне на всем фронте армии⁹⁰.

В то же время противник продолжает усиливать свою группировку. 11 декабря штабом фронта было установлено прибытие 35-й пд в р-н южнее Паричей (ранее дивизия находилась в составе 12-го армейского корпуса 4-й армии занимала линию фронту севернее Чаусов). Авиация противника произвела 93 самолетовылетов на штурмовку позиций 65 А. 16 ВА боевую работу в этот день не вела из-за плохой погоды.

Отсутствовал в этот период на фронте и Рокоссовский. Согласно его мемуарам⁹¹, в середине декабря он по поручению И. В. Сталина находился в штабе 1-го Украинского фронта у Н. Ф. Ватутина. Точное время его возвращения зафиксировать не удалось. В документах штаба фронта содержится как минимум один пробел: 13-го и 14 декабря Рокоссовский ничего не подписывал.

16 декабря Рокоссовский направляет в Ставку доклад о замыслах дальнейших действий⁹², в котором четко определяет намерения противника ликвидировать Паричский выступ, а также намечает основную цель для войск фронта – овладение районом Калинковичей. И Батов, и Рокоссовский в мемуарах писали⁹³, что первым определил угрозу для правого крыла армии именно Рокоссовский, который немедленно приказал 65-й армии перейти к обороне. Батов в мемуарах вспоминал слова Рокоссовского: «Вы хотите разделить участь самсоновской армии? Он тоже в 1914 г. очертя голову рвался вперед и напоролся на контрудар. Разведку плохо ведете... В районах Шацилки, Паричи, Пружинище сосредотачиваются крупные силы врага»⁹⁴. Указанные комфронта районы были расположены на флангах ударной группировки 65-й армии.

Возникает резонный вопрос: почему так поздно были установлены намерения противника по переходу в контрнаступление, почему ни разведка, ни авиация не смогли установить группировку противника? 16 ВА из-за плохой погоды не вела боевых действий 9, 10 и 11 декабря, 12 декабря произвела 421 самолетовылет и 13 декабря – 90 самолетовылетов. 11 декабря штабом 1-го Белорусского фронта отмечается прибытие 36-й пехотной дивизии в р-н южнее Паричей⁹⁵, а 14 декабря радиоразведкой подтверждено прибытие в район Озаричей танковой дивизии неустановленной нумерации⁹⁶, в этот день авиация не летала. 15 декабря 16 ВА производит 790 самолетовылетов, большей частью на штурмовку позиций противника правее участка 65-й армии.

Таким образом, сосредоточение немецких войск не было замечено до 15 декабря. Авиация могла не заметить большое скопление войск из-за нелетной погоды, а также по причине того, что немцы особенное внимание в своих приказах уделяли скрытности сосредоточения, отдельный приказ был посвящен усилению ПВО в районе Паричей. В то же время западнее поселка действовали крупные партизанские соединения под командованием Ф. И. Павловского.

14 декабря в разведсводке представительства Центрального и Белорусского штабов партизанского движения на Белорусском фронте впервые отмечалось, что «по данным от 10.12. в деревне Колки (40 км сев. – зап. Калинковичи) в районе церкви сосредоточено более 100 танков противника»⁹⁷. В разведсводке 65-й армии за 14 декабря в выводах отмечалось: «Дан-

⁹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 201. Д. 49. Л. 15.

⁹¹ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 243–245.

⁹² Освобождение Беларуси. С. 332.

⁹³ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 245; Батов П. И. В походах и боях. С. 376.

⁹⁴ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 245; Батов П. И. В походах и боях. С. 377.

⁹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 49. Л. 12.

⁹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 49. Л. 13об.

⁹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 2. Л. 33об.

ные авиаразведки за 13.12.43 г. подтверждают наличие танков перед левым флангом армии в р-нах юго-зап. Озаричи. Заслуживают внимания данные партизан о скоплении танков в р-нах Озаричи и Колки»⁹⁸. 15 декабря разведка 65-й армии устанавливает наличие до 20 замаскированных хворостом и соломой танков в районе Озаричей. В выводах указывалось «Всеми видами разведки внимательно следить за поведением противника на левом фланге армии»⁹⁹.

Немецкое командование формировало две ударные группировки. Одна формировалась перед правым соседом 65-й армии (на западном берегу Березины) и к линии фронта была переведена уже перед самым наступлением. Лишь 18 декабря 16-я танковая дивизия была выведена на позиции для наступления, совершив марш из района Бобруйска¹⁰⁰. Вторая – в районе Озаричей, о ней сведения начали поступать с 13 декабря. Лишь 15 декабря радиоразведкой было замечено появление танковой дивизии неустановленной нумерации со штабом в Бобруйске (16-я тд). Масштаб немецких приготовлений стал ясен только перед самым наступлением.

На тот факт, что Рокоссовский вернулся от Ватутина в штаб фронта 15 декабря, указывает и запись в журнале боевых действий фронта от этого же числа: «...противник, опасаясь выхода наших войск на тылы его жлобинской группировки, подтянул на это направление 253, 134 пд и одну тд неустановленной нумерации, усилив этим свою паричскую группировку, и одну ТД в район Озаричи и возможность перехода его (так в тексте. – М. С.) к активным действиям в юго-восточном и восточном направлениях. Командующий 65-й армией принял решение перейти к прочной обороне на всем фронте армии»¹⁰¹. То есть, когда в штабе 65-й армии еще предлагалось просто усилить внимание к левому флангу, в штабе фронта уже четко обозначались возможные места нанесения контрударов противника.

16 декабря советская авиация произвела 223 с/в, особое внимание уделяя разведке районов Жлобин, Паричи, Озаричи¹⁰². На паричский выступ были брошены отряды 1-й гвардейской инженерной бригады специального назначения, в том числе подвижные отряды заграждений¹⁰³. В тот же день комфронта отдает приказ передать 1-й гв. тк из 48-й армии в 65-ю и сосредоточить его для отражения атак противника из р-на Озаричи¹⁰⁴.

17 декабря 95-й стрелковый корпус 65-й армии сдал свои позиции у Калинковичей соседним частям и начал выдвигание в сторону выступа¹⁰⁵, а 18 декабря начал оборудовать позиции во второй полосе.

К 19 декабря 2-й немецкой армией в районе Пружинище были сосредоточены 4-я танковая дивизия противника под командованием Дитриха фон Заукена и 5-я танковая дивизия под командованием Карла Деккера. Заукен в январе 1944 г. за сдерживание наступающих частей Белорусского фронта получит мечи к Рыцарскому кресту. У 9-й немецкой армии под Паричами была готова наступать свежая 16-я танковая дивизия, прибывшая с переформирования из Италии.

⁹⁸ ЦАМО. Ф. 422. Оп. 10496. Д. 108. Л. 473.

⁹⁹ ЦАМО. Ф. 422. Оп. 10496. Д. 108. Л. 473.

¹⁰⁰ Werthen W. Geschichte der 16. Panzer-Division – Weg und Schicksal. Bad Nauheim: Podzun, 1958. S. 179.

¹⁰¹ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 49. Л. 15.

¹⁰² ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 49. Л. 16.

¹⁰³ ЦАМО РФ. Ф. 30300. Оп. 1. Д. 24. Л. 127.

¹⁰⁴ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 49. Л. 16.

¹⁰⁵ ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 10496. Д. 148. Л. 72.

Операция «Николаус». Слева на снимке – БТР командира 4 танковой дивизии фон Заукена

В тот же день, 19 декабря, Рокоссовский завершает приготовления к немецкому наступлению и даже готовит план дальнейших действий с целью овладеть Мозырем и Калинковичами. Рокоссовский отдает приказ командующему 65-й армией – не допустить прорыва танков. «Одновременно готовить дальнейшее наступление с рубежа: Секеричи – Редьково в направлении Колки, м. Птичь с целью выхода во фланг и тыл Калинковичской группировке противника»¹⁰⁶. Для этого Генштаб передает фронту 5-й гв. кавалерийский корпус, который должен сосредоточиться к 28 декабря в районе 30 км северо-западнее Речицы (немецкие части до этого района так и не дошли), то есть Рокоссовский учитывал возможные «успехи» противника. При этом авиация 17 декабря действия вела ограничено, 18-го и 19-го не летала. В период немецкого наступления с 20-го по 26 декабря из-за нелетной погоды авиация летала лишь 23 декабря. Для Красной армии в конце 1943 года это была серьезная утрата, так как к тому времени советская авиация уже имела полное превосходство в воздухе.

В 8:45 утра 20 декабря после 45-минутной артподготовки противник атаковал подразделения 19-го и 27-го корпусов. Силами до 300 танков противник наступал вдоль основных дорог, а автоматчики на бронетранспортерах шли по дефиле и в обход населенных пунктов, стремясь разрезать обороняющиеся части. При движении по дорогам противник использовал следующую тактику: вперед выдвигались 3–4 танка и группа саперов с автоматчиками. Они проводили своеобразную «разведку боем», разминировав дорогу и выявляя огневые точки. Кроме того, противник активно применял прием создания «видимости окружения». Малочисленными группами с большим количеством боеприпасов, он проникал в тыл советских войск и поднимал там беспорядочную стрельбу, создавая видимость окружения. В результате этого

¹⁰⁶ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 49. Л. 16об.

некоторые подразделения оставляли свои оборонительные рубежи¹⁰⁷. В советских отчетах значилось и следующее: «Пленные показали, что немцы систематически подслушивают разговоры по радио, а наши командиры ведут разговоры открыто. В прошлых боях под с. Кобыльщино был случай провокации. Один командир батальона доносил: „Меня обтекают, что делать“. Немцы через свою рацию передали ему: „Отходи“»¹⁰⁸.

По итогам первого дня наступления немецким войскам удалось продвинуться на расстояние от 2 до 7 километров. Рокоссовский продолжил усиливать 65-ю армию. В ЖБД фронта указывалось: «В связи со сложившейся обстановкой на фронте 65-й армии, боевым распоряжением штаба фронта № 00213/оп 73-я сд из состава 48-й армии временно переброшена на участок 65-й армии с задачей усилить войска 65-й армии в районе юго-восточнее м. Паричи»¹⁰⁹.

21 декабря немецким войскам удалось частично разрезать группировку 65-й армии и обеспечить стык между 2-й и 9-й армиями¹¹⁰. Положение советских частей осложняется отсутствием поддержки авиации из-за плохой погоды.

23 декабря для того, чтобы ослабить давление на 65-ю армию, в наступление переходит 63-я армия на участке Рогачев – Жлобин. В первый день ей удается добиться значительных успехов.

В то же время Рокоссовский в приказе войскам 65-й армии устанавливает последний рубеж обороны – позиции перед железнодорожной рокадой Жлобин – Калинковичи: «войскам 65 А всеми средствами упорно оборонять рубеж: Осопна, Кижин, Оболица, Давыдовка, Бол. Людвиновка, Корени, 1 гв. тк использовать для усиления порядков пехоты и создания глубины обороны»¹¹¹. Этой же директивой запрещен дальнейший отход войск армии без ведома командующего фронтом. 24 декабря противник был остановлен.

Немецким войскам удалось продвинуться всего лишь на 30 километров, ликвидировать полностью выступ и овладеть железнодорожной рокадой противнику не удалось.

Отдельные бои продолжались до 28 декабря. Если говорить о дате окончания немецкого наступления, то в советских боевых документах фигурирует дата 24 декабря¹¹². К.-Х. Фризер называет дату 26 декабря, когда 16-я танковая дивизия была выведена из состава 9-й армии и переброшена под Киев в силу начавшейся Житомирско-Бердичевской операции Красной армии¹¹³.

Касаясь вопроса о подбитых немецких танках, подытожим их общую начальную численность. 16-я танковая дивизия в Италии в тяжелых боях не участвовала, по штату могла иметь до 200 машин. В журнале боевых действий 65-й армии за 21 декабря упоминается об атаке 4-й танковой дивизии с оценкой количества танков в 80 единиц¹¹⁴. Поэтому при оценке численности группировки в 300¹¹⁵ танков штаб фронта, вероятно, не ошибался.

Подвижные отряды заграждения отчитались о 85 подорванных немецких танках в период с 20-го по 27 декабря¹¹⁶. В докладе начальника инженерных войск штаба 65-й армии от 6 января указана цифра в 141 танк, подорванный ПОЗами и частями армии¹¹⁷. Кроме того, учитывая,

¹⁰⁷ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2376. Д. 7. Л. 184.

¹⁰⁸ ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 10496. Д. 76. Л. 38.

¹⁰⁹ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 49. Л. 17.

¹¹⁰ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. S. 330.

¹¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 49. Л. 19об.

¹¹² ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 1496. Д. 148. Л. 114.

¹¹³ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. S. 330.

¹¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 1496. Д. 148. Л. 72.

¹¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2376. Д. 7. Л. 184.

¹¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 30300. Оп. 1. Д. 24. Л. 134.

¹¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 30300. Оп. 1. Д. 24. Л. 135.

что поле боя осталось за противником, ремонтные части вермахта могли восстановить некоторую часть танков, поэтому говорить о разгроме танковых дивизий не приходится.

Необходимо также коснуться вопроса потерь личного состава. 16-я танковая дивизия не вошла в подотчетный период, поэтому точных данных по ее потерям нет. В то же время исследователь боевого пути дивизии В. Вертен указывал, что к 26 декабря в 1 батальоне 64-го панцергренадерского полка дивизии оставалось всего три офицера, шесть унтерофицеров и 43 солдата¹¹⁸, то есть потери дивизии были значительные. Всего же потери¹¹⁹ наступавших в районе паричского выступа частей 9-й армии составили 3093 ранеными и 817 убитыми и пропавшими без вести. Во 2-й нем. армии – 136 убитыми и пропавшими без вести и 614 ранеными.

Советские 65-я и 48-я армии за третью декаду декабря потеряли убитыми, пропавшими без вести и ранеными 11 416 (из них 6961 – ранеными) и 4095 (из них 2815 – ранеными) человек соответственно¹²⁰. Учитывая, что 65-я и 48-я армии потеряли 1980 и 332 человек пропавшими без вести, возможно, часть из них сумела вернуться, и цифра может быть уменьшена. По данным командования 65-й и 48-й армий, противник потерял 9576 и 2393 человек соответственно¹²¹.

Немецкий военачальник Типпельскирх писал: «После того как в середине декабря это выпрямление линии фронта было завершено, армия наконец смогла высвободить достаточное количество сил, чтобы, используя прибывшую из Италии танковую дивизию, ударом с плацдарма на реке Березина южнее Бобруйска в направлении на Мозырь закрыть брешь на стыке со 2-й армией. Таким путем к концу года после ряда исключительно критических недель, в течение которых войска напрягали буквально последние силы, удалось организовать сносную оборону»¹²². Действия 9-й армии были отмечены в Вермахтберихте 1 января: «Северо-западнее Речицы группа войск под командованием генерала танковых войск Харпе в течение тяжелых семидневных боев ликвидировала брешь в обороне и уничтожила большие силы противника».

В отправленном 16 декабря, ещё перед немецким наступлением, Рокоссовским в Ставку «Докладе командующего войсками Белорусского фронта Верховному главнокомандующему о замысле дальнейших действий»¹²³ указывалось, что первоочередной задачей фронта является разгром калинковичской группировки противника, как угрожающей флагу 65-й армии, затем – рогачевско-жлобинской. В дальнейшем предполагалось накапливать силы и средства для продвижения по западному берегу р. Березина к Бобруйску и захвату этого крупного транспортного узла.

Этот план в январе-феврале месяце и будет приведен в действие. Замысел командующего отразится в последующем приказе Ставки ВГК фронту.

2 января, согласно директиве Ставки ВГК № 220000, Рокоссовский получает следующие указания: «3. Белорусскому фронту не позднее 8.01 начать наступление своим левым крылом с задачей разбить мозырскую группировку противника и к 12.01 овладеть Калинковичами и Мозырем, охватывая их с севера и с юга. В дальнейшем наступать, нанося удар главными силами фронта в общем направлении на Бобруйск, Минск. Частью сил действовать вдоль р. Припять на Лунинец»¹²⁴.

¹¹⁸ Werthen W. Op. cit. S. 186.

¹¹⁹ Heeresarzt 10-Day Casualty Reports per Army/Army Group, 1943 (Bundesarchiv-Militärarchiv (далее – BA/MA) RW 6/556, 6/558) [Электронный ресурс] // URL: http://web.archive.org/web/20110718122924/http://www.wv2stats.com/cas_ger_okh_dec43.html (дата обращения: 20.10.2019 г.).

¹²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 49. Л. 35.

¹²¹ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 49. Л. 36.

¹²² Типпельскирх К. История Второй мировой войны. СПб.: Полигон, 1999. С. 445.

¹²³ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 3. Л. 68–73.

¹²⁴ Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). М: ТЕРРА, 1999. С. 27.

8 января Рокоссовский с оставшегося после немецкого контрнаступления выступа и с юга ударил по флангам калинковичской группировки противника. Действия фронта во многом исходили из необходимости обеспечения фланга соседнего 1-го Украинского фронта, наступавшего на главном направлении.

Так, например, сама директива Ставки начиналась со слов «В связи с успешным наступлением 1-го Украинского фронта Ставка Верховного главнокомандования приказывает...»¹²⁵ Связан такой интерес к Мозырю и Калинковичам был с тем, что это были важные железнодорожные узлы. Западнее Мозыря начинались полесские болота. В условиях успешного наступления войск 1-го Украинского фронта можно было ожидать удар ему во фланг из района Калинковичей. Занятие населенного пункта позволяло более не беспокоиться за правый фланг этого фронта, западнее Мозыря серьезными силами противник наступать уже не мог в силу условий местности.

На правом фланге Белорусского фронта в начале 1944 г. командарм-3 Горбатов собирается преодолеть Днепр и закрепиться на плацдармах. Перед этим необходимо было ликвидировать плацдарм противника за р. Днепр у Рогачева. Для этого был сформирован отряд из 190 лыжников, который 3 января прорвался в тыл противника и разгромил штаб немецкой 267-й дивизии. Горбатов вновь использует свою излюбленную тактику, которой он пользовался еще на посту командира дивизии в 1941–1942 гг. Он активно использует лыжные батальоны для того, чтобы парализовать тылы противника. После действий лыжников наступление на плацдарм начали войска 3-й армии. 5 января 3-я армия всем своим составом вышла к Днепру, сократив свой фронт на 12 км. Кроме того, этим ударом армия лишила противника возможности пользоваться рогачевско-могилевской железнодорожной рокадой, а станцию Быхов армия держала под артиллерийским обстрелом. Сразу после завершения данной операции большая часть сил армии была выведена во второй эшелон для подготовки к новым боевым действиям.

Основные силы фронта по-прежнему используются Рокоссовским на левом фланге. Здесь он ведет боевые действия на стыке 2-й и 9-й немецких полевых армий. 8 января начинается Калинковичско-Мозырская операция. 14 января частям 61-й и 65-й армий Белорусского фронта удалось занять транспортные узлы Мозырь и Калинковичи, так удается решить вопрос со снабжением группировки войск 65-й и 48-й армий южнее Паричей.

¹²⁵ Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). М: ТЕРРА, 1999. С. 27.

Войска Белорусского фронта вступают в Калинковичи. Источник: БГМИВОВ

Это позволяет советскому командованию рассчитывать на успешные действия в этом районе. 9 января Рокоссовским были даны указания командармам 65-й и 48-й армий по овладению Калинковичами «готовиться на 15.1.44 к продолжению операции в новом направлении на северо-запад, без паузы, не давая противнику после отхода перегруппировать силы на этом основном направлении»¹²⁶.

16 января южнее Паричей, в соответствии с директивой Ставки ВГК от 2 января (в дальнейшем наступать на Бобруйск), начинает наступление 48-я армия. 65-й армии ставится задача занять Глуск. До 30 января армия безрезультатно будет пытаться буквально «проломить» оборону 9-й немецкой армии.

В журнале боевых действий войск фронта проскальзывает аргументация этих действий: «Левифланговые войска Белорусского фронта, выйдя к исходу дня 14.1.44 г. 2-м гв. корпусом к р. Убороть пунктах р. Припять, поставили под угрозу флангового удара группировку противника на сев. берегу р. Припять. Поэтому, используя выгоды занятого рубежа, командующий фронтом решил: продолжая активные действия силами 61-й армии, 2-го и 7-го гв. кк, для завершения разгрома противника на левом фланге, основными силами 65-й и 48-й армий нанести главный удар в новом направлении на сев. – запад и выйти на рубеж р. Птичь»¹²⁷. Предполагалось выйти на рубеж р. Птичь у Глуска, чтобы охватить фланг полесской группировки.

К тому моменту немецкое командование перебрасывает на это направление две дивизии: 110-ю пехотную с рогачевского участка и 35-ю пехотную (тоже имевшую опыт боев подо Ржевом) из 4-й армии. Рокоссовский тоже забирает 53-й стрелковый корпус у 3-й армии из-под Рогачева и в конце января передает его 48-й армии под Паричи. Получается лобовое столкновение: и командование 9-й армии, и 1-й Белорусский фронт все силы направляют именно под Паричи. При этом все немецкие дивизии под Паричами: 110-я, 35-я, 36-я и 253-я пехотные – имеют опыт боев подо Ржевом в лесисто-болотистой местности, в отличие от советских войск.

¹²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 81. Л. 51.

¹²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 81. Л. 55.

48-я армия 16 января начинала наступление, не имея подвижных соединений. Единственное танковое соединение фронта, 1-й гв. танковый корпус, после боев в ходе Калининско-Мозырской операции, на 20 января, оставаясь в составе 65-й армии, находился в тылу войск и занимался боевой подготовкой. На 20 января корпус насчитывал 52 танка¹²⁸, перед началом операции 7 января в корпусе было 94 танка¹²⁹. 22 января корпус получил 30 новых танков, 460 человек рядового и сержантского состава и 77 офицеров¹³⁰.

Артиллерийскими боеприпасами армия была обеспечена. На направлении удара (29-й и 42-й стрелковый корпус) имелось 305 орудий и отмечено всего 58 немецких¹³¹. На позициях уже 10 января имелся 1 боекомплект снарядов 152 мм, 0,5 б/к 122 мм.

Лишь 30 января наступление 48-й и 65-й армий остановлено по приказу Рокоссовского. В январе 48-я армия теряет 2964 человека убитыми и 9426 ранеными¹³². 65-я армия за третью декаду в лобовых атаках теряет 2576 человек убитыми и 10 810 ранеными¹³³. Всего же в январе потери фронта составили 16 763 убитыми и 61 416 ранеными¹³⁴. 2-я немецкая армия теряет 1517 человек убитыми и пропавшими без вести, 4347 ранеными, 9-я нем. армия – 1856 человек убитыми и пропавшими без вести, 4683 ранеными¹³⁵. Итого: 3373 убитыми, 9030 ранеными в двух армиях. Тогда соотношение по убитым 1:5, по раненым – 1:6,8.

В краткой обобщенной сводке боевого опыта Белорусского фронта за январь сообщалось: «Проезжимость дорог ограничена и зависит от времени года и состояния грунта в большей степени, чем в других районах. Обширные болотистые пространства в своей значительной части проходимы только при сильных морозах. В течение января отсутствие сильных морозов, частые оттепели, дожди создали условия, близкие к весенней распутице»¹³⁶. Проходимые же дороги оборонялись противником. В журнале боевых действий фронта причин провала наступления будет названо три:

1. Неблагоприятная погода, затрудняющая снабжение, продвижение войск, использование авиации. Это «отрицательно сказалось на темпах наступления, перегруппировок, сковывало маневр войск».

2. Трудные условия местности, которые ограничивали возможность использования танков и благоприятствовали обороне противника.

3. Низкая укомплектованность стрелковых соединений и частей.

Первые два пункта в принципе весьма сомнительны в отношении 48-й армии, которая занимала оборону с конца декабря, а значит, на снабжение войск время было, а в звеньях управления должны были уже научиться учитывать условия местности. Весьма красноречиво звучат выводы в журнале боевых действий 48-й армии за январь: «1. В тактическом отношении войска армии к наступательным действиям в лесисто-болотистой местности подготовлены не были. Обстановка требовала самостоятельности в действиях при выполнении маневра батальоном, полком, дивизией и умения при этом обеспечивать фланги собственными силами, не надеясь на соседа. Эти качества в предыдущих боях на открытой неболотистой местности у командиров воспитаны не были, и вследствие этого наступательные бои в большинстве случаев выливались в форму лобовых атак. <...> 2. Войска к ночным действиям в лесу не подго-

¹²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 10496. Д. 437. Л. 212.

¹²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 10496. Д. 437. Л. 56.

¹³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 10496. Д. 437. Л. 236.

¹³¹ ЦАМО РФ. Ф. 446. Оп. 9657. Д. 273. Л. 33.

¹³² ЦАМО РФ. Ф. 446. Оп. 9657. Д. 273. Л. 32.

¹³³ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 81. Л. 134.

¹³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 81. Л. 134.

¹³⁵ Heeresarzt 10-Day Casualty Reports per Army/Army Group, 1944 (BA/MA RW 6/559) [Электронный ресурс] // URL: https://web.archive.org/web/20121029022744/http://ww2stats.com/cas_ger_okh_dec44.html (дата обращения: 16.11.2019 г.).

¹³⁶ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 80. Л. 13.

товлены. 3. Пехота не использует полностью огонь на ходу во время атаки, атака пехоты не поддерживается огнем станковых и ручных пулеметов. 4. Неумение эффективно применять минометы для сопровождения пехоты в наступательном бою. 5. Артиллерия с поставленными ей задачами не справилась: проложить путь пехоте при ее попытках прорвать оборону противника не сумела. Большинство огневых точек противника после арт. подготовки оживало. В ходе боев при продвижении нашей пехоты огонь артиллерии был малоэффективен. Контрбатарейная борьба ощутимых результатов не дала. Причинами плохой работы артиллерии явились: 1) недостаточная увязка в действиях с пехотой, 2) плохая работа передовых артиллерийских наблюдателей, 3) неумение маневрировать огнем, 4) неудовлетворительная разведка целей, особенно на поле боя, 5) отставание артиллерии от пехоты при движении последней вперед»¹³⁷. И в выводах 48-й армии основа – это неудовлетворительная подготовка войск, если говорить прямо – плохое управление войсками. И эта причина главная в неудачах наступлений на паричском направлении.

Рокоссовский впоследствии в мемуарах много писал о трудностях при проведении наступательных действий в лесисто-болотистой местности¹³⁸. Тем не менее начиная с ноября 1943 года именно западнее Березины пытаются наступать главные силы фронта. К слову, поэтому решение Рокоссовского наносить два главных удара в июне не может обуславливаться стремлением достичь внезапности на направлении, где с ноября 1943 года фронт вел тяжелые бои.

В целом действия фронта связаны скорее с необходимостью поддержать соседний 1-й Украинский фронт. Все главные боевые действия ведутся на левом крыле. Замысел в наступлении на Бобруйск по правому берегу р. Березины, где проходит дорога Речица – Паричи – Бобруйск, также находит отражение в решениях Рокоссовского. Калининско-Мозырская операция проводится в том числе для того, чтобы обеспечить снабжение войск фронта на этом направлении. Появляется и два направления: на Пинск и на Бобруйск (согласно директиве Ставки от 2 января). 61-я армия в январе продолжает наступать на Лунинец, но также сталкивается с трудностями и успеха не имеет.

С учетом последующей передачи левофланговой 61-й армии в состав 2-го Белорусского фронта у Рокоссовского остается лишь бобруйское направление. При этом правый фланг фронта за весь описываемый период действовал на второстепенном направлении. Но именно бобруйское направление к концу января становится главным для войск фронта. В журнале боевых действий Белорусского фронта за январь указывается: «Все эти обстоятельства – трудности местности, невозможность использовать всю мощь артиллерии, ударную силу танков, поддержку авиации и низкая укомплектованность личным составом соединений – и явились основными причинами, помешавшими войскам БФ полностью выполнить поставленные перед ними задачи в наступательных действиях на главном – Бобруйском направлении»¹³⁹.

¹³⁷ ЦАМО РФ. Ф. 446. Оп. 9657. Д. 273 Л. 31об.

¹³⁸ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 274–275.

¹³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 81. Л. 117.

1-3. Действия 1-го Белорусского фронта в феврале-марте 1944 г.

2 февраля, во исполнение частных оперативных директив штаба фронта, войска 65-й и 48-й армии предприняли еще одну неудачную попытку наступления вдоль р. Березина на Бобруйск с задачей занять Паричи. Характерно, что на участке в районе Раковичей планировался ввод в прорыв 1-го гв. танкового корпуса¹⁴⁰ (там же, где корпус будет действовать в июне 1944 г.). Дополнительно из резерва Ставки прибывает 15-я артиллерийская самоходная бригада, которую Рокоссовский также сосредотачивает на паричском направлении. В состав 48-й армии передается и 53-й стрелковый корпус, до середины января находившийся в составе 3-й армии под Рогачевом.

К тому моменту советские дивизии сильно поредели. Если 19 ноября 1943 г. в 65-й армии начитывалось 9 дивизий со средней численностью в 6017 человек¹⁴¹ (всего 54 158 человек), то 30 января 1944 года в армии было 15 дивизий со средней численностью в 3676 человек (всего – 55 144)¹⁴².

Приказ о наступлении был отдан 30 января, в день остановки предыдущего наступления. В 48-й армии успевают даже подготовить «План прорыва обороны противника войсками 48-й армии»¹⁴³, где обозначаются подготовительные мероприятия в период с 31 января по 2 февраля. Например, к 18:00 1 февраля необходимо было закончить «организацию управления новых КП и НП к 18:00 1.2.44». Первая загвоздка в том, что командарм Романенко подписывает этот план лишь 1 февраля, вторая – в том, что в 29-й стрелковый корпус армии этот план прорыва (по сути – это таблица взаимодействия родов войск) приходит лишь в 19:00 1 февраля, когда определенные пункты плана уже должны были быть выполнены. Конечно, невозможно увязать вопросы взаимодействия за два дня. Да и главная проблема даже не в этом. «План» по смыслу является почти полной копией плана предыдущего¹⁴⁴, от 13 января, перед наступлением войск армии 16 января. Здесь важно то, что как в первом, так и во втором плане отсутствует конкретика, что позволяет использовать «рыбу» многократно. Например, в рамках подготовки к прорыву: «Артиллерия 1. Заканчивает рекогносцировку ОП (огневых позиций. – М. С.) и НП (наблюдательных позиций. – М. С.) и занятие их к исходу 13.1.44. 2. Ведет разведку целей 12–14.1.44. 3. Ведет пристрелку целей 12–14.1.44». В плане на 2 февраля, естественно, просто поменяли даты. Инженерные войска ни в первом, ни во втором плане в подготовительный этап не заготавливали материалы для строительства гатей или вообще для обеспечения действий наступающих войск.

В то же время армия располагала достаточными средствами для наступления. В 48-й армии имелось 451 орудие 122 мм, 227 орудий 152 мм¹⁴⁵. Общая плотность артиллерии на направлении главного удара армии (район Петровичи – Притыка) 44 орудия на километр фронта, а с учетом минометов – 90,6 на километр. В период Бобруйской операции у наступавшей в этой же местности 28-й армии плотность артиллерии будет 29 орудий на километр, у 65-й – 79 орудий. Боеприпасами части также обеспечены. Военный совет фронта 14 февраля отметит в документе: «В 48-й армии так же (чрезмерно использовались боеприпасы без продвижения вперед. – М. С.) получилось в феврале, когда за 5 дней наступления было израсхо-

¹⁴⁰ ЦАМО РФ. Ф. 3399. Оп. 1. Д. 36. Л. 64об.

¹⁴¹ ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 10496. Д. 28. Л. 100.

¹⁴² ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 10496. Д. 456. Л. 208.

¹⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 888. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

¹⁴⁴ ЦАМО РФ. Ф. 888. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

¹⁴⁵ ЦАМО РФ. Ф. 446. Оп. 9657. Д. 213 Л. 48.

довано 102 вагона боеприпасов (127 393 снарядов и мин), а продвижение только на отдельных участках и то на сотни метров»¹⁴⁶.

В истории боевого пути 48-й армии боевые действия в период со 2-го по 10 февраля будут обозначены как «Второе наступление на Паричи»¹⁴⁷. Первое началось 16 января и продолжалось до 30 января.

Штаб Белорусского фронта. 5 февраля 1944. Слева-направо: начальник инженерного управления А.И. Прошляков, начальник оперативного управления И.И. Бойков, командующий фронтом К.К. Рокоссовский, член Военного совета фронта К.Ф. Телегин

Начавшееся 2 февраля наступление 48-й и 65-й армий успеха не приносит. 5-го и 6 февраля на фронте Рокоссовского работают корреспонденты центральных газет: Л. К. Бронтман, фотокорреспондент «Красной звезды» О. Кнорринг и фотограф «Фронтальной иллюстрации» В. Кинеловский¹⁴⁸. Рокоссовский успевает уделить им время, О. Кнорринг и Л. К. Бронтман делают несколько фотографий. На одной из них, приведенной в данной работе, весьма показательно выражение лица начальника оперативного управления фронта Бойкова: наступающие войска 48-й и 65-й армий успеха по-прежнему не имеют.

После недели боев, 10 февраля, наступление было остановлено, 1-й гв. танковый корпус попытались ввести до прорыва обороны противника в качестве танков непосредственной поддержки пехоты. В результате от противотанкового огня корпус потерял более 50 машин, то есть более половины от имевшейся материальной части (было на 3 февраля 108 Т-34). Продвижение войск 65-й и 48-й армий незначительное, прорвать оборону противника не удалось, задача по овладению Паричами не выполнена.

¹⁴⁶ ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 203. Л. 46.

¹⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. 446. Оп. 9557. Д. 73. Л. 66.

¹⁴⁸ Бронтман Л. К. Дневники 1932–1947 [Электронный ресурс] // URL: http://militera.lib.ru/db/brontman_lk/1944.html (дата обращения: 12.07.2019 г.).

У этих действий в январе-феврале 1944 года может быть лишь одно логическое объяснение: штаб фронта считал, что выход к Бобруйску заставит отступить остальные части 9-й армии, которые находятся на восточном берегу Березины. Основывалось такое решение разве что на опыте Гомельско-Речицкой операции, когда глубокой охват Гомеля с запада заставил немецкое командование отвести свои части. Но рассчитывать при планировании действий фронта на то, что противник позволит допустить такой охват вторично, по мнению автора, было крайне опрометчиво.

Анализируя советские документы, можно отметить, что весь январь и февраль штаб фронта рисовал подобные планы разве что на бумаге, в условиях лесисто-болотистой местности и наличия плотной обороны у Паричей без должной подготовки эти действия успеха принести не могли. Генеральный штаб, оценивая действия 48-й и 65-й армий в лесисто-болотистой местности, отмечал, что «лобовые атаки на выталкивание противника, кроме потерь в личном составе и расхода материальных сил, ничего не давали»¹⁴⁹.

10 февраля, впервые за период наступательных действий в лесисто-болотистой местности, в оперативном управлении штаба фронта принимается «Перспективный план работы штаба Белорусского фронта по изучению и использованию опыта войны на период с 15.2. по 1.5.44 года»¹⁵⁰. Даются указания на разработку инструкций войскам на основе боевого опыта действий войск в лесисто-болотистой местности. 17 февраля штаб 48-й армии подготавливает инструкцию по ведению наступательного боя в условиях лесисто-болотистой местности¹⁵¹. Таким образом, только в феврале опыт боевых действий войск начинает анализироваться.

17 февраля ввиду успешного наступления на правобережной Украине между 1-м Украинским и Белорусским фронтом был создан 2-й Белорусский фронт, а фронт Рокоссовского с 25 февраля переименовывался в 1-й Белорусский. Рокоссовский терял 61-ю армию и два кавалерийских корпуса. Фактически у него оставалось лишь два варианта наступательных действий: по западному берегу р. Березина и из района Рогачева. Участки западнее р. Березина и в междуречье Днепра и Березины были труднопроходимы. Поэтому впервые с осени Рокоссовский во второй половине февраля главную роль в наступательной операции отводит войскам 3-й армии.

Еще в январе командующий 3-й армией генерал Горбатов, видя безуспешность наступлений в лесисто-болотистых районах, предлагает нанести удар на правом фланге войск фронта с целью форсировать р. Днепр и создать условия для дальнейшего наступления. Рогачевско-Жлобинская наступательная операция кардинально изменит оперативную обстановку на бобруйском направлении и окажет колоссальное влияние на планирование Бобруйской операции. Главный удар наносила 3-я армия генерал-лейтенанта А. В. Горбатова.

К 10 февраля общая обстановка на участке 3-й армии была следующей: соседняя справа 50-я армия после неудачных попыток выйти к р. Днепр обороняла рубеж Петуховка – Долгий Мох – Смолица. Левее 63-я армия после неоднократных попыток ликвидации плацдарма противника на Днестре (длина которого составляла 36 км) обороняла рубеж Турский, Мал. Козловичи, Черн. Вирня, Хальч, Четверни.

В это время перед фронтом 3-й армии, по сведениям разведки армии, оборонялись 267-я и 31-я пехотные дивизии. Наибольшая плотность противника была выявлена в районе Прибор, где р. Днепр делает крутой изгиб, образуя вдающийся в сторону 3-й армии выступ. Наименьшая плотность была установлена в районе Свержень. Это было обусловлено сложными условиями для форсирования. Западный берег здесь представлял собой крутые обрывы при наличии впереди них открытой широкой долины. Немецкое командование не ожидало здесь

¹⁴⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг... С. 136.

¹⁵⁰ ЦАМО РФ. Ф. 446. Оп. 9657. Д. 335. Л. 43.

¹⁵¹ ЦАМО РФ. Ф. 888. Оп. 1. Д. 146. Л. 24.

форсирования реки. Именно поэтому уже 13 января 1944 г. года Горбатов просит Рокоссовского разрешить подготовку операции на этом участке. При этом следует отметить, что фронт Горбатову никаких задач не ставил. В январе Горбатов дважды обращался к Рокоссовскому с просьбой об усилении его армии. Первый ответ был категоричен: «Усилить не могу. Продолжайте обороняться. Для этого у вас сил достаточно».

В феврале Горбатов второй раз просит разрешения на проведение наступательной операции. На этот раз командарм направляет в штаб фронта развернутую оценку противника, в которой указывалось, что перед фронтом 3-й армии обороняются лишь две пехотные дивизии противника. Рокоссовский снова не дает частей усиления, но готов поддержать проведение частных наступательных операций. Но Горбатов меньше чем на армейскую операцию не согласен, считая, что эти действия не дадут должного результата.

14 февраля командарм лично едет в Гомель для разговора с командующим фронтом¹⁵². В результате Рокоссовский одобрил замысел проведения операции на бобруйском направлении. Еще раньше, 10 февраля, командующий фронтом согласился передать Горбатову соединения левофланговой 63-й армии. Это был редкий случай, когда две армии объединялись по просьбе командующего одной из них. 3-я армия получала 35-й стрелковый корпус (три дивизии), 40-й стрелковый корпус (две дивизии) и 115-й укрепленный район. В связи с этим фронт армии увеличился на 45 километров¹⁵³.

16 февраля Рокоссовский отдает приказ о проведении операции. 3-я армия в соответствии с частной оперативной директивой наносила удар «с задачей выхода на правый берег Днепра на участке Ново-Быхов, Рогачев и перехвата железной дороги противника Могилев – Жлобин, с дальнейшей задачей нанести главный удар в направлении на Бобруйск»¹⁵⁴. За трое суток армия должна была продвинуться на 45 км. 48-я и 65-я армии наносили удар в направлении Паричи – Бобруйск. Фактически была предпринята попытка нанести удар по сходящимся направлениям и окружить группировку противника восточнее р. Березина. Об этом наглядно свидетельствует карта-план наступательной операции¹⁵⁵. Единственный подвижный резерв фронта, 1 гв. танковый корпус Панова, при этом находился на южном участке у Паричей. На участке 48-й армии плотность противника составляла 14 км на дивизию, 7 орудий на километр фронта, на участке 65-й – 10 км на дивизию, 9 орудий на километр фронта. Перед 3-й армией – 15 км на дивизию, 6,5 орудий на километр фронта.

В период подготовки к операции 3-я армия получила пополнение численностью в 7657 человек, 48-я армия – 7786 человек, 65-я армия – 15 163 человека¹⁵⁶. В то же время, если в 48-й армии имелось лишь 0,3 боекомплекта 152-мм снарядов (1 б/к – 60 выстрелов), в 3-й армии – 0,9 б/к. В 48-й армии – 0,4 б/к 122-мм, в 3-й армии – 0,7 б/к.

48-я армия насчитывала 35 584 человека, 63 танка (42, 193 и 231-й танковые полки)¹⁵⁷. 65-я армия насчитывала 45 449 человек, 28 танков¹⁵⁸. Располагавшийся за позициями 48-й армии 1-й гв. танковый корпус к 15 февраля насчитывал 55 танков Т-34 и 8 СУ-76. Еще две недели назад, 3 февраля, танков и САУ было больше – 108 Т-34, 19 СУ-76, 8 СУ-85 и 4 СУ-152¹⁵⁹. Сказались двухдневные безуспешные действия 8-го и 9 февраля, когда корпус пытался войти в прорыв (а по факту – участвовал в прорыве обороны противника) на участке

¹⁵² ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 248. Л. 16.

¹⁵³ ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 248. Л. 26.

¹⁵⁴ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 187. Л. 34об.

¹⁵⁵ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 30.

¹⁵⁶ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 187. Л. 93.

¹⁵⁷ ЦАМО РФ. Ф. 446. Оп. 9657. Д. 278. Л. 36.

¹⁵⁸ ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 10496. Д. 466. Л. 126об–130.

¹⁵⁹ ЦАМО РФ. Ф. 445. Оп. 9657. Д. 207. Л. 4, 26.

48-й армии. То есть в совокупности паричская группировка насчитывала 79 033 человек и 146 танков. 3-я армия насчитывала¹⁶⁰ 47 587 человек и 63 танка.

Единого плана операции в архивных документах обнаружить не удалось, он был отражен лишь в трех частных оперативных директивах фронта 124/оп, 125/оп, 126/оп войскам 3-й, 48-й и 65-й армии¹⁶¹. Согласно этим директивам, непосредственно задача по овладению Бобруйском не ставилась, операцию изначально планировалось начать 18 февраля, до 20 февраля (на три дня) расписывались задачи 48-й и 65-й армиям, по овладении районом Паричи далее они должны были наступать в общем направлении на Бобруйск. Переходившая в наступление 20 февраля 3-я армия должна была форсировать Днепр, овладеть Рогачевом, форсировать р. Друть и выйти на рубеж р. Добысна, овладеть г. Жлобин, в дальнейшем наступать в общем направлении на Бобруйск. То есть за три дня армия должна была форсировать две водных преграды и, не имея подвижных групп, сохранить темп наступления в 15 километров в лесисто-болотистой местности. В частных оперативных директивах не указано, какой же удар был главный – паричской (48-я и 65-я армии) или рогачевской (3-я армия) группировки. Но в то же время группировка под Паричами в 2,3 раза больше по танкам и в 1,6 раза больше по численности.

Вопрос и в том, почему же эта операция называется Рогачевско-Жлобинской. В годы войны фронтовым операциям заранее названия давались редко, все эти операции назывались по именам населенных пунктов уже позднее. Приведем определение операции из словаря «Война и мир в терминах и определениях»: «ОПЕРАЦИЯ – совокупность согласованных и взаимосвязанных по целям, задачам, месту и времени одновременных и последовательных сражений, боев, ударов и маневра войск (сил флота), проводимых по единому замыслу и плану для решения стратегических, оперативных или оперативно-тактических задач на театре (театрах) военных действий, стратегическом (операционном) направлении или в определенном обширном районе (зоне) в установленный период времени»¹⁶².

И, как вытекает из общего замысла, 3-я и 48-я армии должны были наступать в общем направлении на Бобруйск. Название «Рогачевско-Жлобинская» закрепилось постфактум, когда из фронтовой операции она внезапно стала «армейской», так как о неудачном наступлении на паричском направлении упоминать не хотелось. То же можно сказать и о действиях в начале февраля. Тогда получится, что в начале февраля была 1-я Бобруйская операция (замысел также состоял в наступлении на Бобруйск 65-й и 48-й армиями), абсолютно безуспешная, а 19 февраля – началась 2-я Бобруйская операция, с частичным успехом. Разделить же действия 48-й и 3-й армии невозможно, так как был единый замысел – выйти к Бобруйску и уничтожить рогачевско-жлобинскую группировку противника. Автор не предлагает менять названия операций, вопрос лишь в том, что в названии был утерян смысл операции. В Рогачевско-Жлобинской операции действия с успехом на одном направлении и неудача на втором повлекли за собой общий провал операции.

В направлении главного удара 3-й армии передний край немецкой обороны проходил по крутому правому берегу Днепра, с которого просматривалась и простреливалась вся долина реки. Ширина Днепра здесь достигала 15–300 м, глубина 3–5 м, толщина льда в основном русле не превышала 12 см¹⁶³. Из-за оттепели во многих местах появилось много полыней, а в ряде мест лед отошел от берега. В пояснительной записке по обследованию оборонительного рубежа немецкой армии на направлении главного удара армии отмечалось: «Рельеф местности на участке Озерище – Вишин равнинный, переходящий у восточной окраины Озерища в

¹⁶⁰ ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 293. Л. 88об.

¹⁶¹ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 30.

¹⁶² Статья «Операция» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.voina-i-mir.ru/article/259> (дата обращения: 20.06.2018).

¹⁶³ ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 248. Л. 29.

заболоченную правобережную пойму, по которой тянется первая гряда высоток в юго-восточном направлении до впадения озера Старик в р. Днепр. «... Пойменная часть (Днепра) изобилует протоками, озерами и ручейками. Ширина поймы колеблется от 0,5 до 3 километров»¹⁶⁴. Местность в целом представляла собой лесисто-болотистый участок, что благоприятствовало скрытному сосредоточению войск.

Берег реки высотой 20–30 метров был труднодоступен для пехоты. Немецкие войска возвели перед передним краем один-два ряда противопехотных препятствий. Противотанковые укрепления на данном участке немцами не возводились. Противотанковым препятствием являлся лишь естественный крутой берег р. Днепр.

Оборонительные сооружения состояли из двух-трех, а на отдельных участках до пяти линий траншей полного профиля. Из противопехотных препятствий имелась полоса, усиленная в местах пересечения логов и оврагов рогатками, спиралью Бруно, сетями из колючей проволоки на низких кольях и, на вероятных направлениях прорыва, противотанковыми минными полями. Строения населенных пунктов, расположенных на переднем крае, были приспособлены к обороне.

Второй оборонительный рубеж проходил по реке Друть, впадающей в Днепр в районе Рогачева. Он состоял из двух линий траншей полного профиля. Ширина реки Друть доходила до 60 м, глубина до 3,5 м, а ширина заболоченной, слабо промерзшей долины составляла до 1,5 км. Зима 1944 года в Белоруссии была исключительно теплой. Были частые оттепели, которые приводили дороги в болотистом грунте в труднопроезжее состояние. Ледяной покров на реках был тонкий, и поэтому переправиться через реку могла лишь пехота.

Главным здесь было сочетание наиболее трудных условий с более развитой системой инженерных укреплений и, соответственно, пониженная бдительность расположенных на нем войск. Таким образом, наиболее труднодоступный для наступления участок был наиболее слабым в тактическом отношении. Кроме того, участок прорыва находился недалеко от Рогачева, в котором находился один из двух высоководных мостов, связывавших плацдарм противника с западным берегом Днепра. Овладение Рогачевом ставило части противника под угрозу потери линий снабжения, а при дальнейшем наступления – и попадания в окружение.

Частная оперативная директива частям 3-й армии на наступление заканчивалась словами: «Операцию организовать и проводить на принципе внезапности, на быстром и стремительном продвижении войск армии»¹⁶⁵. На внезапность можно было бы рассчитывать в первый день наступления, но как сохранить темп в дальнейшем? Командование фронта этому вопросу внимания не уделило. Передовые отряды армии и вовсе в первый же день должны были пройти 20 километров и захватить переправы и по р. Друть.

Об этом весьма ярко упоминал командующий 3-й армией Горбатов в своих мемуарах: «За трое суток форсировать такие реки, как Днепр и Друть, и продвинуться на сорок пять километров, и притом без всяких средств усиления, – задача более чем сложная!

Ознакомившись с директивой фронта, член Военного совета генерал И. П. Коннов не вытерпел и сказал:

– Да... Есть поговорка: «Аппетит приходит во время еды». А у нашего начальства разгорелся аппетит еще до еды. Когда мы просили подбросить нам дивизий, чтобы захватить плацдарм, нам ответили „обороняйтесь“, а когда мы дали обещание прогнать противника с плацдарма и захватить еще больший плацдарм, то от нас требуют перейти в наступление на Бобруйск... Таких задач, даже без форсирования рек и при общем наступлении фронта, никогда не ставили армиям, не усиливая их танковыми и артиллерийскими корпусами.

¹⁶⁴ ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 248. Л. 2.

¹⁶⁵ ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 248. Л. 17.

Взгляды присутствовавших при разговоре были устремлены на меня. Ждали моего мнения. Но что мог я сказать? Мне вспомнился момент, когда я впервые внес мое гораздо более скромное предложение командующему, вспомнил его удивление, его недоверие, сравнил его приказ захватить два плацдарма с полученной теперь директивой... Действительно, такую задачу можно ставить только пяти-шести усиленным армиям, да и то трудно надеяться на выполнение ее в течение трех дней»¹⁶⁶. Но соответствующие приказы своим войскам Горбатов отдает.

Для выполнения плана операции на 10 км фронта были стянуты три стрелковых корпуса, боевой порядок которых строился в два эшелона. В первом эшелоне – 80-й ск (283, 5 и 186-я сд) и 41-й ск (269, 120 и 129-я сд). Во втором эшелоне – 40-й ск (250, 348 и 323-я сд). Всего девять стрелковых дивизий.

35-й стрелковый корпус в составе 169-й стрелковой дивизии и укрепленного района был оставлен для обороны плацдарма юго-восточнее Жлобина.

	З А	У противника	Соотношение
Батальонов	25	10	2,5:1
Рот	72	30	2,4:1
Тяжелых орудий	134	13	10:1
Орудий и минометов	969	143	6,8:1
Танков и самоходных орудий	49	18	2,7:1

Если бы противник разгадал намерения войск Горбатова, ему бы хватило двух-трех часов для того, чтобы усилить свои войска на направлении удара. Поэтому в основу операции был положен принцип внезапности.

Большое внимание уделялось оперативной маскировке. Все работы велись с наступлением темноты. На направлении главного удара в районах Свержень, Крупля, Звожец, Шапчицы, Стар. Серебрянка для маскировки сосредоточения войск было запрещено разжигание костров. Все дороги были закрыты для передвижения войск и транспорта в дневное время. На дорогах были выставлены офицерские контрольно-пропускные пункты. В целях соблюдения скрытности были закрыты шоссе-ные дороги, так как к ним было приковано внимание противника. Использовались исключительно проселочные дороги. Специально назначенные офицерские патрули следили за тем, чтобы в районах сосредоточения войск соблюдалась полная маскировка и не разжигались костры. В штабе армии утвердилось мнение, что в дневное время передвижение автомашин по дорогам привлекает внимание противника меньше, чем с зажженными фарами ночью. И так как оказалось, что водители в большинстве своем ночью с потушенными фарами двигаться не умеет, все передвижение автотранспорта в период подготовки операции производилось днем небольшими группами. Для контроля за обеспечением мер маскировки на самолетах У-2 совершались вылеты офицеров штаба, которые фиксировали все нарушения. На отдельных просматриваемых со стороны противника участках были устроены вертикальные маски. Рекогносцировки командованием проводились из траншей на переднем крае, при этом всем офицерам выдавались белые маскхалаты. Сосредоточение ударной группы проводилось в сжатые сроки в период 18–20 февраля. Все части ударной группы были скрытно сосредоточены на удалении 2–3 км от линии фронта. Направления движения батальонов были заблаговременно обозначены прокладкой телефонных кабелей, что позволяло избежать путаницы. Для обороны севернее участка прорыва на фронте шириной 30 км

¹⁶⁶ Горбатов А. В. Указ. соч. С. 254–255.

были оставлены заградительные отряды, учебные подразделения запасного полка и химроты, а на участке южнее фронта прорыва был оставлен лишь один УР. Части окончательно заняли исходные позиции утром 20 февраля. Весь день был представлен войскам для полного отдыха.

Весь офицерский состав был проинструктирован на скорейший бросок вперед вне зависимости от успеха соседей. Застрелять в траншеях и окопах противника, а также заходить целыми соединениями в населенные пункты было запрещено. Работа по их зачистке возлагалась на специальные соединения, двигавшиеся за боевыми порядками.

Горбатову, в отличие от командиров армий на паричском направлении, удалось оперативно провести рекогносцировку и подготовить войска к операции. Он лично 13 февраля с начальниками родов войск армии определял место прорыва. 14 февраля был организован сбор командиров корпусов и их начальников артиллерией, на котором были даны предварительные указания о подготовке операции. На совещании прибыли также комфронта Рокоссовский и член Военного совета фронта Телегин.

Но Горбатов лично довел задачи не только до нижестоящего звена, но и до более низких звеньев управления¹⁶⁷. 15 февраля Горбатов с командирами корпусов и командирами дивизий определил в ходе рекогносцировки задачи соединениям, а 18–19-го заслушал решения командиров дивизий и полков. В этот же период им проведены беседы со всем командным составом полков первого эшелона. Горбатов, таким образом, лично проконтролировал работу абсолютно всех звеньев управления и лично довел до них задачу, следуя суворовскому принципу «каждый солдат должен знать свой маневр».

Вся подготовка операции была проведена организованно, несмотря на сжатые сроки. Как впоследствии выяснилось из показаний пленных, противник совершенно не обнаружил крупного сосредоточения советских войск.

От командного пункта армии, 16 февраля переведенного в район Задубье, была организована радио- и телефонная связь со штабами. Такая сеть связи была создана и с наблюдательного пункта (НП) командарма. Кроме того, от НП командарма была прямая телефонная и радиосвязь с комендантами переправ и передовым офицерским НП, двигавшимся впереди с целью контроля за боевыми порядками. На НП 3-й армии постоянно находился офицер штаба 16-й ВА для согласования действий.

Авиационные части имели две задачи: не допустить переброски войск противника с плацдарма на Днепре на западный берег и уничтожить резервы противника, которые начнут выдвижение к линии фронта после создания бреши в обороне у Рогачева.

19 февраля 65-я и 48-я армии перешли в наступление¹⁶⁸. В боевом пути 48-й армии эти действия описываются в разделе «Третье наступление на Паричи». При этом характерно, что о действиях этих двух армий историки словно «забыли». Датой начала Рогачевско-Жлобинской наступательной операции в литературе еще с советских времен считалось 21 февраля, когда в наступление перешли части 3-й армии. В Советской военной энциклопедии¹⁶⁹, наряду с неверной датой, было указано всего лишь три армии, принимавшие участие в операции: 3-я, 50-я (сосед справа) и 48-я. При этом сама операция проводилась по трём оперативным директивам – 3, 48 и 65-й армиям. То есть опять же роль второго удара, где вместе с 48-й наступала и 65-я армия, не отражена, вместо неё «вписалась» 50-я армия. Хотя из документов штаба фронта следует, что внимание отводилось не просто наступлению 3-й армии, а общей концепции нанесения удара по сходящимся направлениям. В журнале боевых действий войск фронта за 21 февраля значится запись: «3-я армия, закончив подготовку, с утра 21.2.44 перешла в

¹⁶⁷ ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 248. Л. 36.

¹⁶⁸ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 187. Л. 37об–38.

¹⁶⁹ Советская военная энциклопедия: В 8 т. / Гл. ред. комис.: Маршал Сов. Союза А. А. Гречко (пред.) [и др.]; М-во обороны СССР. Ин-т воен. истории. Москва: Воениздат. Том 7. 1979. С. 135–136.

наступление на Рогачевском направлении, во взаимодействии с 48 А, наступающей на Паричском направлении»¹⁷⁰. При этом на паричском направлении в период наступательной операции успеха достичь так и не удастся.

Как уже упоминалось, 3-я армия должна была перейти в наступление на два дня позже. В армии для действий по тылам противника была создана группа лыжников в составе 8-го штрафного батальона и лыжного батальона 120-й гв. сд. Этой группе была поставлена задача выйти в тыл противника и ударом с севера в 7 часов 21 февраля совершить налет на Рогачев, а затем удерживать его до подхода 41-го стрелкового корпуса. В случае сильного сопротивления немцев лыжный отряд уходил в лес, а затем перехватывал основные дороги, сдерживая резервы противника.

В 23 часа 20 февраля сводный отряд переправился через р. Днепр в районе Гадиловичей, преодолел сопротивление противника и двинулся к Рогачеву. Связь с группой возлагалась на 109-й отдельный полк связи. Радист полка, Г. А. Власенко, вспоминал: «В команде радистов были все классными и опытными специалистами своего дела. <...> К походу тщательно готовились. По прибытии на исходный рубеж нам выдали белые маскировочные костюмы и сухой паек.

У проволочных заграждений враг обнаружил отряд и открыл огонь. Вскоре появились раненые. Командир отряда Осипов приказал скорее продвигаться вперед, так как мы обнаружены. Вскоре воины отряда ворвались на передний край врага, завязались бои в траншеях. Выйдя в тыл, мы двигались к деревне Озерище. Весь путь движения отряда докладывался командиром по радио. <...> Лыжники, пройдя по тылам врага, перехватили шоссе Рогачев – Новый Быхов, воспретив тем самым врагу переброску своих частей в район боевых действий»¹⁷¹.

К 6 часам 21 февраля пехота под покровом темноты заняла исходное положение для атаки в 150–200 метрах от правого берега Днепра. Офицеры, выводившие свои соединения на передний край, заранее были проведены по маршруту следования. В 7:20 начался артиллерийский налет. Такое время было выбрано неслучайно, ровно в 7:20 начинало светать. Пехота еще под покровом темноты успевала сосредоточиться в 200 метрах от позиций противника.

¹⁷⁰ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 187. Л. 38.

¹⁷¹ Третья армия. Люди. События. Подвиги. М., 1995. С. 153.

РФ Берег Днепра в районе Кистени (взят штурмом частями 5 сд в 8.00). Источник: ЦАМО

РФ Берег Днепра в районе Кистени (взят штурмом частями 5 сд в 8.00). Источник: ЦАМО

С первыми выстрелами орудий пехота перешла в атаку. Впереди нее саперы уже резали проволоку и проводили разминирование. Во избежание провалов под лед все бойцы одного подразделения связывались веревками¹⁷². Скользкий крутой берег, с вершины которого противник вел мощный огонь из всех видов оружия, пришлось штурмовать прямо по-суворовски. Наиболее красноречиво штурм берега был отражен в отчете о наступательных действиях 3-й армии: «Преодолев с помощью щитов и досок многочисленные полыньи, проталины на льду Днепра и проволочные заграждения, пехота с ходу полезла по скользким, крутым и высоким обрывам правого берега. Подсаживая друг друга, становясь один другому на плечи, прорубая ступеньки в промерзлом грунте, отделения и взводы карабкались вверх, откуда из глубоких траншей немецкая пехота обстреливала пулеметным и автоматным огнем наши цепи. Было видно, как группы карабкающихся вверх наших бойцов вначале срывались, не достигнув цели, и скатывались вниз, скашиваемые огнем противника. Но все новые и новые подразделения настойчиво и упорно лезли по обрывам вверх и, наконец, добравшись до немецких траншей, схватывались в яростной рукопашной схватке с противником»¹⁷³.

К 10:00 передний край противника был прорван, а части ударной группы выбили противника из двух, кое-где даже из трех линий траншей. Сильный опорный пункт противника, село Кистени, долгое время взять не удавалось, но впоследствии и он был занят. Войдя в прорывы на глубину в 4 км, пехота потеряла поддержку артиллерийских частей, так как по новым целям артиллерия «не добивала», а перемещение на левую сторону Днепра задерживалось из-за крутых подъемов западного берега. Это заранее было учтено штабом армии. Перед началом боевых действий пехоте был выдан тройной запас боекомплекта.

В 11:30 36-й тп вырвался из долины реки и с ходу атаковал Мадоры, потерял 6 танков от огня артиллерии и самоходных орудий и вынужден был отойти. К исходу дня на направлении главного удара войска подошли к селу Мадоры. В это время продолжал свои действия лыжный отряд. Утром, выйдя в тыл противника, командир отряда выслал разведку к Рогачеву, которая обнаружила, что подступы к городу обороняются пехотой. Считая, что внезапного нападения на город в условиях дня не получится, командир полка принял решение действовать по тылам противника и вскоре перекрыл дороги Рогачев – Быхов и Рогачев – Мадоры.

Артиллерия армии сумела перебраться на другой берег лишь к 19:00, когда были закончены работы по созданию выездов из долины реки.

Прорыв обороны противника был осуществлен силами четырех сд на фронте в 11 км. Одна сд занимала 2,75 км фронта. К исходу первого дня наступления фронт расширился до 25 километров. Тактическая плотность теперь составляла одну сд на 6,25 км фронта. Поэтому на следующий день в прорыв были введены вторые эшелоны корпусов. В начальные период средний темп продвижения составил 1 км в час. Затем он упал из-за отсутствия артиллерийской поддержки. Пехота двигалась вперед лишь с тем оружием, которое смогла втащить на берег Днепра на руках.

На следующий день наступление началось также в 7:20 после короткого артналета, который осуществила перемещенная на правый берег Днепра артиллерия.

50-я армия, сосед 3-й армии справа, приказом командующего фронтом должна была силами трех сд с утра 22 февраля перейти в наступление. В этот день ее части форсировали Днепр и вели бои за плацдармы. Стоит сказать и об ее усилении. Весьма показательным, что 413-я сд была усилена одним мп и даже целым 233-м отп, состоящим из 2 КВ и 5 Т-34¹⁷⁴.

¹⁷² ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 248. Л. 62.

¹⁷³ ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 248. Л. 39.

¹⁷⁴ ЦАМО РФ. Ф. 1735. Оп. 1. Д. 58. Л. 53.

22 февраля части 3-й армии продолжили развивать успех. К исходу дня части вклинились в оборону противника еще на 4–8 километров, расширив фронт прорыва до 30 км. Наиболее успешно наступали части 5-й сд на направлении Мадоры – ст. Тошица, создавая угрозу Рогачевской группировке противника. Из-за неудачных действий 169-й сд маневр на обход Рогачева с запада не удался и далее прорыв увеличивался в основном в глубину.

Успешное продвижение группы войск 3-й армии заставило противника перестраивать систему обороны: части 6-й пд перебрасывались с плацдарма на Днестре на рубеж на р. Друть, а 5-я тд была снята с Паричского направления и совместно с 532-м строительным и 31-м саперным батальонами попыталась задержать продвижение сил армии у Александровки.

Наступление войск 3-й армии было круглосуточным. Достигалось это эшелонированием. Обычно вторые эшелоны оставлялись в размере одной трети от всего состава соединений и частей. Днем они стояли на запасных направлениях, отражая контратаки и закрепляя захваченные рубежи, а ночью – продолжали наступление¹⁷⁵.

С утра 23 февраля, также в 7:20, после артналета, наступление продолжилось. К середине дня 115-й УР заметил отход противника с плацдарма и перешел в наступление. 50-я армия продолжала попытки прорвать оборону противника, но успеха не имела. Опять же приведем пример 413-й сд. В течение первых двух дней наступления 413-я сд с фронта штурмовала высоту 152 у берега Днестра. И лишь 24-го числа комдив решил отказаться от фронтальных атак. Командующий 50-й армией ввел в бой справа от 413-й сд 324-ю сд, но она не смогла преодолеть сопротивление противника и продвинулась лишь незначительно.

Отход противника утром 25 февраля был обнаружен лишь в 7:00, и тогда началось запоздалое преследование. Артиллерия 413-й сд в эту ночь чуть не уничтожила колонну 324-й сд, приняв ее за противника. «В 22:00 полки донесли, что видят в зареве пожара (Комаричи) колонну противника с обозом и артиллерией,двигающуюся из Комаричей на юго-зап. <...> полки запросили разрешения открыть огонь <...> С НП КСД¹⁷⁶ был сделан запрос к командиру СК, который приказал открыть огонь. КАД 413 задержал открытие огня, желая окончательно убедиться в принадлежности колонны. <...> Через 30 минут после обнаружения колонны артиллеристы донесли, что это колонна 324-й сд»¹⁷⁷. Отрывок показателен тем, что описывает уровень отработки вопросов взаимодействия в 50-й армии.

За 23 февраля 3-я армия продвинулась вперед на 6 километров на правом фланге и на 15 в центре, увеличив прорыв в глубину до 20 км и до 50 км по фронту. На западном берегу реки Друть были сделаны попытки занять плацдарм, но все атаки были отбиты. Противник успел занять позиции на своем втором оборонительном рубеже. Из-за слабых действий 50-й армии командованию 3-й армии по-прежнему приходилось заботиться о своем правом фланге и держать там дивизии. Поэтому на третий день наступления тактическая плотность на ударном направлении составила 1 стрелковую дивизию на 8,5 км фронта. За день боев войсками 3-й армии уничтожено 12 орудий, 58 автомашин, подбито 5 САУ, 3 танка, 9 бронемашин, 7 бронетранспортеров. Захвачено 103 пленных¹⁷⁸.

¹⁷⁵ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2376. Д. 7. Л. 63.

¹⁷⁶ НП – наблюдательный пункт; КСД – командир стрелковой дивизии; КАД – командир артиллерии дивизии.

¹⁷⁷ ЦАМО РФ. Ф. 1735. Оп. 1. Д. 58. Л. 56.

¹⁷⁸ ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 248. Л. 53.

Воины 120-й гвардейской стрелковой дивизии 3-й армии наступают под прикрытием дымовой завесы. Источник: БГМИВОВ

24 февраля был предпринят ночной штурм Рогачева. 120-я гв. сд 41-го ск во взаимодействии со 169-й сд 35-го ск овладели Рогачевом и переправились на западный берег реки Друть. В этот же день 80-й ск овладел плацдармами на р. Друть севернее Рогачева. Плацдарм на Днепре в этот день противником был оставлен. Подбито 11 танков, 4 САУ. Взято в плен 60 человек.

К 25 февраля армия подтянулась к реке Друть. Бои за расширение плацдармов на реке успехом не увенчались. Противник занял заранее заготовленные рубежи. Войска армии наткнулись на сильно укрепленную полосу обороны на р. Друть. Тактическая плотность снизилась до 8 км на одну дивизию (при численности последней в 4500 человек). Кроме того, противник перебросил 20-ю и 4-ю тд с тыловых позиций, на рубеж р. Друть прибыли части 31, 221, 296, 6-й пд и 5-й тд. Причем о прибытии 20-й танковой дивизии штаб 3-й армии узнал от партизанских соединений, к которым вышли части армии в ходе наступления.

В выводах по ведению боевых действий штаб 3-й армии отмечал, что ни одна из поставленных 16-й воздушной армии задач выполнена не была. Дважды авиации наносила удар по своим войскам. Один раз она штурмовала переправу своих войск через Днепр, а второй раз – атаковала штаб 40-го стрелкового корпуса, когда тот вышел к берегам р. Друть¹⁷⁹. Но главное – 16-й ВА не удалось вовремя установить переброску сил противника с паричского на рогачевское направление.

В отчете 16-й ВА отмечалось, что «общая активность ВВС противника по сравнению с действиями нашей авиации была ниже в два раза»¹⁸⁰. 19 февраля массированным ударом 16-я ВА поддерживала 48-ю армию. Приняло участие 225 самолетов. Во второй половине дня работа авиации была прекращена. 20 февраля из-за плохих метеоусловий авиация действовала лишь небольшими группами по огневым позициям противника на паричском направлении «и ведением разведки <...> в районах: Жлобин, Паричи для вскрытия перегруппировок и подхода резервов противника». Далее в документе указывается: «Авиаразведкой уже к исходу 21.2.44

¹⁷⁹ ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 248. Л. 67.

¹⁸⁰ ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 342. Л. 3.

было отмечено передвижение войск противника со стороны Быхов, Бобруйск. На второй и третий день подбрасывание резервов противником усилилось. По причине систематических действий нашей авиации днем по подходящим резервам и в целях скрытия своей перегруппировки – противник пытался осуществить последнюю ночью. Но действиями ночных бомбардировщиков У-2 намерения противника вскрылись и по обнаруженным целям наносились удары. В силу этого противник не смог своевременно осуществить необходимый маневр и, что самое главное, подбросить достаточные резервы к полю боя. Такое положение значительно ослабило сопротивление противника сев. – вост. Рогачев и способствовало успешному наступлению наших войск»¹⁸¹. И далее: «Настойчивость, с которой велась разведка нашей авиацией, можно характеризовать примером для действий разведчиков-истребителей»¹⁸². При этом следует отметить, что с 20-го по 28 февраля шел снег, а облачность составляла 10 баллов с высотами: 50–500 – 20 февраля, 100–400 – 21-го, 200–600 – 23-го, 100–600 – 24-го, 100–600 – 25-го, 100–200 – 26-го, 100–300 – 27-го, 100–200 – 28-го. Снег прекратился 29-го числа. По данным 16-й ВА, днем 25, 26, 28 и 29-го числа погода была нелетная, в остальные дни – ограничено летная¹⁸³. То есть якобы даже чисто физически авиация не могла обеспечивать наступление войск фронта, хотя в «нелетный» день 25 февраля летало 304 самолета.

На этом нестыковки в отчете не заканчиваются. Упомянув слабую работу перехватчиков, главной причиной в отчете называются недостатки радиолокационной системы (РЛС) «Редут». Вылет истребителей осуществлялся лишь после оповещения командира авиадивизии о налете противника, то есть после засечки РЛС «Редут» самолетов противника. При этом из-за низкой облачности и самолеты противника находились на низких высотах, что уменьшало дальность обнаружения. Таким образом, «встреча вылетающих групп с авиацией противника случалась после того, когда они успели уже отбомбиться по нашим войскам. Только в одном случае нашим истребителям удалось предупредить приход к цели бомбардировщиков противника, навязав им бой в тылу противника»¹⁸⁴. Стоит заметить, что РЛС «Редут» отлично проявляли себя летом 1943 г. на Кубани. Из-за низкой облачности в феврале 1944 г. РЛС себя не проявила.

То есть работа авиации была действительно недостаточной, как отмечалось в документах 3-й армии, авиация противника непрерывно висела в воздухе, в том время как советская авиация практически бездействовала. Объяснений этому несколько. Во-первых, Бобруйский аэродром имел бетонную взлетно-посадочную полосу, в отличие от 16-й воздушной армии, базировавшейся на прифронтовых аэродромах с земляным покрытием (на полях). То есть при относительно плохой, но летной погоде в Бобруйске немецкие летчики взлететь могли, а советские из-за слякоти на полосе в любой момент – нет. Во-вторых, это действительно работа системы «Редут», но сказать о ней стоит не в том ключе, в котором это описывалось в отчете 16-й ВА. Так, например, 234-й истребительной авиадивизии ставилась задача прикрытия переправ у р. Днепр. Остальные истребительные авиадивизии 16-й ВА занимались сопровождением штурмовиков и бомбардировщиков. 22 февраля 234-й дивизии приказывалось «вылеты производить по данным „Редут“, по зрячему и по вызову полковника Могирева с КП 3-й армии (офицер для связи 16-й ВА в штабе 3-й армии – М.С.)»¹⁸⁵. 24 февраля 234-й авиадивизии указывалось: «Вылет по данным „Редут“ и *при большой активности противника* (курсив мой. – М. С.) в этом районе – периодическое патрулирование»¹⁸⁶. И только 25 февраля дивизии приказывается «в течение всего дня не допускать действий бомбардировщиков противника по нашим

¹⁸¹ ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 342. Л. 6–13.

¹⁸² ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 342. Л. 14.

¹⁸³ ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 342. Л. 37.

¹⁸⁴ ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 342. Л. 16.

¹⁸⁵ ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 309. Л. 40.

¹⁸⁶ ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 309. Л. 50.

войскам в р-не Рогачев, Озераны, Бол. Крушиновка, путем периодического патрулирования в районе и вылетом дежурных подразделений по данным „Редут“»¹⁸⁷. То есть наконец-то истребителям приказано патрулировать район. Почему, производя по 600 самолетовылетов в день (то есть ГСМ хватало), нельзя было вести патрулирование постоянно и раньше, – ответа на этот вопрос в документах найти не удалось.

25 февраля Горбатов в связи с сложившейся обстановкой по собственной инициативе отдал приказ об окончании наступательных действий. Здесь и произошел спор К. К. Рокоссовского с Горбатовым. Видя его успехи в продвижении к Бобруйску, Рокоссовский приказал продолжать наступать на город. Горбатов воспротивился вплоть до того, что написал в Ставку. Горбатов вспоминал: «Мы впервые разошлись во мнениях с таким авторитетным и уважаемым в войсках человеком. В дело вмешалась Москва. Ставка рассудила, что правы мы»¹⁸⁸.

Жена А. В. Горбатова, Нина Александровна, следовавшая вместе с ним всю войну, позднее вспоминала о приезде Рокоссовского непосредственно в дом командарма, а не в штаб. Этот эпизод приводится в работе В. И. Шайкина:

«Внезапный приезд командующего фронтом, но не в штаб, а к подчиненному на дом, в избу, где жили Горбатовы, встревожил Нину Александровну. Предчувствия не обманули: генеральский разговор за перегородкой стал накаленнее и слышнее.

Рокоссовский: Я ваши объяснения не принимаю. Извольте немедленно продолжать наступление».

Горбатов: «В любом наступлении важно вовремя остановиться. Противник явно подтянул свежие силы».

Р.: «Блеф».

Г.: «Судя по насыщенности огня, это не блеф».

Р.: «Встать! (Загремели два стула.) Смирно! Приказываю: 3-й армии продолжить наступление согласно существующей директиве фронта. В общем направлении на Бобруйск. Повторите приказ!»

Нина Александровна, замерев, услышала четкий ответ мужа: «Стоять „смирно“ буду, армию на тот свет не поведу!»

«...» Рокоссовский отправил Верховному докладную о возмутительном неповиновении Горбатова. Горбатов вдогонку послал по команде (через того же комфронтом) свою докладную в тот же адрес: о неправильном и губительном руководстве Рокоссовским его, Горбатова, армией. «...»

Стало известно: докладные получены. «...» Рокоссовскому пришлось смириться с тем, что оказался прав не он, а Горбатов. Судя по всему, это поняли и в Ставке. Докладные же, видимо, остались тихо лежать»¹⁸⁹. Этот эпизод вошел и в фильм «Генерал» (1992 г.) о Горбатове, да и вообще – известен он, пожалуй, не менее, чем спор Рокоссовского со Сталиным при планировании «Багратиона».

Рокоссовский в мемуарах этот случай почему-то приписывает октябрю месяцу, когда армия Горбатова вела бои на второстепенном направлении на р. Сож: «Горбатов – старый командир, получив приказ наступать, прилагал все силы, чтобы выполнить задачу. Но обстановка складывалась так, что его старания не приводили к тем результатам, которых ему хотелось бы достичь. И тогда командарм со всей своей прямоотой заявил, что его армия командующим фронтом используется неправильно. Я прочитал его жалобу и направил в Ставку.

Поступок Александра Васильевича только возвысил его в моих глазах. Я убедился, что это действительно солидный, вдумчивый военачальник, душой болеющий за порученное дело.

¹⁸⁷ ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 309. Л. 55.

¹⁸⁸ Горбатов А. В. Указ. соч. С. 261.

¹⁸⁹ Шайкин В. И. Бравший на себя ответственность: исторический очерк / В. И. Шайкин. Рязань: РВВДКУ, 2012. С. 39–40.

Так как ответа из Ставки не последовало, я сам решился, в нарушение установившейся практики, раскрыть перед командармом все карты и полностью разъяснить ему роль его армии в конкретной обстановке. Александр Васильевич поблагодарил меня и заверил, что задача будет выполнена наилучшим образом.

Однако жалоба генерала Горбатова, которую я переслал в Ставку, по-видимому, все же сыграла свою роль. Вскоре Ставка стала полнее информировать всех нас о своих замыслах и месте наших войск в осуществлении этих планов»¹⁹⁰.

Письма в Ставку, как и ее ответы, автору найти не удалось. Но решительно в пользу версии Горбатова звучат строки из отчета 3-й армии о боевых действиях, где за 25 февраля указывается: «Решение КОМАНДАРМА: Ввиду явного неуспеха наступления командарм принял решение – наступление прекратить, частям закрепиться на достигнутых рубежах и привести их в порядок, о нем было доложено командующему фронтом (выделение мое. – М. С.)»¹⁹¹. То есть решение Горбатова действительно было самостоятельным и комфронта узнал о нем лишь постфактум.

И надо признать, что этот случай оказал большое влияние как на дальнейшие планы фронта, так и на отношения между Горбатовым и Рокоссовским. Так, например, командир 120-й гв. стрелковой дивизии Я. Я. Фогель, представленный Горбатовым к званию Героя Советского Союза, получил лишь орден Ленина.

Позднее Горбатов упоминал в беседе с Г. А. Куманевым, что впоследствии Рокоссовский все-таки сводил с ним личные счеты¹⁹². И прежде всего в плане наград, которыми, по мнению Горбатова, Рокоссовский «обделял» армию.

Критика Горбатова в адрес Рокоссовского, если судить по отчету 3-й армии, сводилась в том числе к тому, что комфронта не дал армии должных резервов. Так, в отчете указывалось: «Удар 3-й армии буквально повис в воздухе. Хорошо начатая наступательная операция, не поддержанная ни соседями, ни резервами фронта, выдохлась на третьи сутки наступления. Войска армии после нанесения удара разошлись для заполнения быстро расширявшегося фронта армии. Отсутствие резервов, вялые наступательные действия соседних армий, не только не преодолевших оборону противника, но и не сумевших сковать его силы перед своим фронтом, подход оперативных резервов противника на заранее подготовленный рубеж обороны – все это снизило темпы наступления и поставило армию в изолированное положение»¹⁹³.

Единственный танковый корпус Белорусского фронта находился за боевыми порядками 48-й и 65-й армий, действовавших на паричском направлении. Вероятно, штаб фронта предполагал, что благодаря переброске сил противника с паричского на рогачевское направление 48-я и 65-я армии сумеют прорвать оборону противника, после чего в прорыв будет введен танковый корпус. Эта проблема впоследствии при планировании Бобруйской операции была решена созданием сразу двух ударных группировок.

В Рогачевско-Жлобинской операции войскам 48-й и 65-й армий достигнуть успеха так и не удалось. Тогда 1-й гвардейский танковый корпус, выйдя 24 февраля из подчинения 48-й армии¹⁹⁴, сосредотачивается на участке 3-й армии, но прибывает лишь к «шапочному разбору». Противник уже создал новую группировку на р. Друть и наступает на плацдарм 3-й армии. 29 февраля танковый корпус передается соседней 50-й армии¹⁹⁵, но войти в прорыв также не успевает.

¹⁹⁰ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 233–234.

¹⁹¹ ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 248. Л. 57.

¹⁹² Куманев Г. А. Маршал Рокоссовский в воспоминаниях его соратников // Три маршала Победы. М., 1999. С. 279–280.

¹⁹³ ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 248. Л. 3.

¹⁹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 187. Л. 46.

¹⁹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 187. Л. 56.

Последняя попытка наступать делается на участке 48-й армии, которая по приказу штаба фронта наносила удар на северо-запад «с задачей выйти в тыл жлобинско-рогачевской группировке противника <...> к исходу 3.3.44 г. перерезать шоссе Жлобин – Бобруйск»¹⁹⁶.

В итоге боев войска 48-й армии продвинуться вперед не смогли. После небольшой перегруппировки 7-го и 8 марта части армии вновь попытались прорвать оборону противника и вновь безуспешно¹⁹⁷. С 9 марта армия перешла к обороне. Больше фронт наступательных операций не предпринимал.

Тем не менее действия войск Горбатова сыграли важную роль для предстоящей летней операции. Именно с плацдарма на реке Друть будет нанесен один из ударов в июне 1944 года. Приказом Верховного главнокомандующего И. В. Сталина № 043 от 26 февраля 1944 года наименование «Рогачевских» присвоено 13 соединениям и частям 3-й армии.

Потери войск фронта Рокоссовского приведены в таблице¹⁹⁸.

Армия	Убитыми	% от общего числа	Ранеными	% от общего числа
3-я	1 980	16,1 %	5 670	18,8 %
48-я	7 597	61,9 %	14 275	47,3 %
65-я	2 692	21,9 %	10 175	33,7 %
Всего	12 269		30 120	

9-я немецкая армия всего потеряла 3095 убитыми и пропавшими без вести, 9835 ранеными¹⁹⁹, что дает соотношение 1:4 по убитым и 1:3 по раненым. Причина таких потерь хорошо отражена в описании боевого пути 48-й армии: «...наступательные бои в большинстве случаев выливались в форму лобовых атак. При неудачной атаке командиры полков и дивизий в большинстве случаев повторяли атаки в тех же самых направлениях, не пытаясь изменить соотношения сил в свою пользу путем перегруппировки или изменения направления удара»²⁰⁰.

Говоря о событиях на 1-м Белорусском фронте, нельзя не отметить случай применения биологического оружия немецкими частями. Речь идет о концентрационных лагерях под Озаричами. П. И. Батов об этом случае пишет так: «Немецко-фашистские захватчики, отступая под ударами Красной армии из Белоруссии, оставили находившиеся на переднем крае их обороны в районе местечка Озаричи, Полесской области, три концентрационных лагеря...»²⁰¹. Журнал боевых действий фронта описывает все несколько иначе: «В течение 17.3.44 г. войска 1-го БФ продолжали оборонять прежние рубежи, укрепляли их в инженерном отношении, вели разведку и перестрелку с противником и на отдельных участках 65 А, обнаружив отход противника, начали преследование его»²⁰². То есть никаких наступательных действий 65-я армия не вела, целью действий противника явилось всего лишь сокращение протяженности линии фронта для вывода 56-го армейского корпуса под Брест. Говорить об «оправданности» действий немецкого командования не приходится – не было причин, чтобы так жестоко поступать с мирным населением.

Первыми лагеря обнаружили разведчики 65-й армии. Николай Дмитриевич Кубышкин, ветеран 65-й армии, разведчик: «Освободили мы в белорусских болотах такое место, куда

¹⁹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 198. Л. 13.

¹⁹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 198. Л. 15–26.

¹⁹⁸ 65 А // ЦАМО РФ. Ф. 422. Оп. 10496. Д. 465. Л. 112; 3А // ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 293. Л. 85; 48 А // ЦАМО РФ. Ф. 446. Оп. 9657. Д. 278. Л. 35.

¹⁹⁹ NARA T312 R339 F7911880-7911883.

²⁰⁰ ЦАМО РФ. Ф. 446. Оп. 9657. Д. 73. Л. 73.

²⁰¹ Батов П. И. В походах и боях. С. 383.

²⁰² ЦАМО РФ. Ф. 233, о. 2356. Д. 210. Л. 46.

немец все население согнал и военнопленных, и заразил их вшами, тифозные вши. А мы когда их начали освобождать, охрану там побили, которая сопротивлялась, а заключенные эти, лагерники: „Ой, наши пришли!“ – и целоваться, обниматься, так я заболел тифом. Рокоссовский с Батовым сделали фронтовой и армейский лагерь только для тифозных, вот там я месяц лежал. А когда нас повезли в госпиталь тифозный, шофер напился самогонки и ударился в березу, от удара мы все вылетели из кузова, и нас женщины таскали к своим деревенским домам»²⁰³.

По указанию начальника штаба 65-й армии генерал-майора М. В. Бобкова 18 марта 1944 года советские парламентарии вручили командованию 110-й пехотной дивизии вермахта ультиматум о немедленном отводе германских войск с передней линии обороны и оставлении концлагерей в нейтральной зоне. Советское командование гарантировало в течение 24 часов отход немецких войск без преследования отступающих²⁰⁴.

Иоганн-Георг Рихерт, командир 35-й немецкой пехотной дивизии, в полосе которой были расположены концентрационные лагеря, 17 марта 1944 года стал кавалером Рыцарского креста. За эти же действия он был казнен через повешение на ипподроме в Минске 30 января 1946 года в 14 часов 30 минут.

²⁰³ Архив автора. Воспоминания Н. Д. Кубышкина.

²⁰⁴ Шкуран А. Озаричи, март 1944-го... // Оф. сайт «Белорусская военная газета „Во славу Родины“». URL: <http://archive.vsr.mil.by/2013/03/15/ozarichi-mart-1944-%E2%80%911944-%E2%80%A6/> (дата обращения: 22.10.2019).

Ребенок рядом с мертвой матерью в концлагере Озаричи. Фотограф: Е. Подшивалов.
Источник: БГМИВОВ

35-я дивизия входила в состав 56-го танкового корпуса, которым руководил бывший личный адъютант Гитлера – Фридрих Хосбах. Он, попав в плен к американцам, осужден не будет. Всего, по данным ЖБД 9-й армии, в концентрационных лагерях оказалось порядка

45 000 человек²⁰⁵. Организованный отвод немецких войск на заранее подготовленную новую линию обороны не позволил советским войскам продолжить наступление. Операция немецких войск по выводу 56-го танкового корпуса под Ковель получила кодовое название «Близнецы», в составе корпуса на северную Украину из-под Паричей выводились 110-я и 253-я пехотные дивизии. Операция внешне по своей жестокости очень напоминает операцию «Буйвол», когда в марте 1943 г. 9-я немецкая армия покидала Ржевский выступ. Со всей прифронтовой полосы в лагеря под Озаричи свозились мирные жители лишь для того, чтобы отвести линию фронта на несколько километров и вывести из боя две дивизии.

В конце марта фронт продолжал наступательные действия. В конце месяца на участке 50-й армии (это направление также называлось Рокоссовским в мартовском докладе Сталину) в боях вновь участвовал 1-й гв. танковый корпус, успехов советские войска не имели. Лишь 15 апреля 1-й Белорусский фронт окончательно перешел к обороне.

Подводя итоги наступательным действиям фронта Рокоссовского осенью 1943 – весной 1944 года, отметим, что, в отличие от Западного фронта, его фронт наступал и продвигался вперед гораздо успешнее. Это можно наглядно продемонстрировать цитатой из труда академика А. М. Самсонова «Крах фашистской агрессии»: «На центральном участке советско-германского фронта, где наступательные операции велись на *витебском* (здесь и далее курсив мой. – М. С.) и *бобруйском* направлениях, в январе-феврале советские войска освободили *Мозырь, Калинковичи, Рогачев*. Развить наступление на западном направлении трем советским фронтам – 1-му Прибалтийскому, Западному и Белорусскому – не удалось. Противник продолжал удерживать Витебск и Бобруйск. Однако происходившие здесь бои сковали группу армий „Центр“, что воспрепятствовало командованию вермахта маневрировать ее силами. Важно было и то, что советские войска заняли более выгодные рубежи для последующих ударов»²⁰⁶. Как наглядно видно из данной цитаты, наряду с устоявшимся мнением о «вспомогательности» действий советских фронтов в Белоруссии говорится о наступлениях «и на витебском, и на бобруйском направлениях», при этом из трех освобожденных городов все три освобождены фронтом Рокоссовского. В декабре перед его фронтом находились три танковые дивизии, и даже в феврале, когда на Украине немецкие войска терпели сокрушительные поражения, фронт связывал сразу две танковые дивизии (правда, к тому моменту сильно измотанные).

Кроме того, в отчетах 18 стрелкового корпуса²⁰⁷ 65-й армии по проведению наступательных операций в Белоруссии в начале года указывались следующие недостатки. Первое: отсутствие скрытности при подготовке операции. Противнику удавалось распознать намерения советских войска, в результате чего он успевал принять контрмеры. Второе: отсутствовала подготовка на батальонном и ротном уровне, т. е. в войсках отрабатывались только боевые действия полков и выше. Третье: отсутствие разведки, в результате чего немецкие укрепления внезапно появлялись перед наступающими войска, а огневая система противника не могла быть подавлена. Четвертое: отсутствие времени на подготовку взаимодействия родов войска. Здесь стоит вспомнить Рогачевско-Жлобинскую операцию. На подготовку к операции у 48-й и 65-й армий было всего четыре дня (изначально два дня, 15 февраля – принятие решения, 17 февраля уже планировалось перейти в наступление), в то время как подготовка к Бобруйской операции будет формально длиться 15 дней (с 7 июня), а фактически два месяца: с начала мая по 23 июня.

Пятым пунктом шло отсутствие должного инженерного обеспечения, без которого танковые части зачастую отставали от пехоты. И шестое – плохая обученность пехоты при дей-

²⁰⁵ ВА-МА, RH 20-9/176. 16 марта.

²⁰⁶ Самсонов А. М. Крах фашистской агрессии 1939–1945. М.: Наука, 1980. С. 476.

²⁰⁷ ЦАМО РФ. Ф. 856. Оп. 1. Д. 153. Л. 3–4.

ствиях в лесисто-болотистой местности. То есть опять же – проблемы не со снабжением, а с управлением войсками.

Рокоссовский вспоминал: «Нашим слабым местом стала доставка боеприпасов. Коммуникации растянулись. Железные дороги, разрушенные противником, еще не были восстановлены. Тыл фронта не поспевал за стремительным движением войск. Подвоз боеприпасов был весьма скудный, а то количество, что мы успевали подбросить нашим фронтовым транспортом, в первую очередь направлялось войскам левого крыла, где наносился главный удар»²⁰⁸. Он же упоминал, что трудности были с пополнением частей, войска практически целиком пополнялись из госпиталей и из местного населения. Задача в его мемуарах описывается так: «Белорусский же фронт не получал в то время ничего, хотя задача наша оставалась прежней. Мы должны были наступать, а сил у нас оставалось все меньше, о чем Ставка прекрасно знала. Но мы понимали, что иначе нельзя. Наша задача – активными действиями приковать к себе как можно больше вражеских сил и тем самым облегчить наступление на главном направлении. И мы прилагали все усилия, чтобы выполнить эту задачу. На крупные успехи не рассчитывали, но и на месте не стояли»²⁰⁹.

Попробуем уточнить этот момент. Согласно справке оперативного управления фронта, в январе-марте распределение в процентном отношении пополнения выглядит следующим образом: 41 % – выписанные из госпиталей, 19 % – мобилизованы из местного населения, 18 % – за счет расформированных частей, 8 % – штрафники и лишь 14 % – централизованные пополнения²¹⁰. В период подготовки к Рогачевско-Жлобинской операции 3-я армия получила пополнение численностью в 7657 человек, из них: 5001 – из госпиталей (65 %), 2656 – по мобилизации из местного населения (35 %)²¹¹. Средняя численность дивизий составляла 3–4 тысячи человек (для сравнения, на 1 декабря в 65-й армии была средняя численность в 6 тысяч, на 1 февраля – уже 3–4 тысячи). Почему-то процесса реформирования дивизий, слияния двух дивизий в одну не наблюдалось, имевшийся у немецких командиров опыт создания оперативных групп не перенимался. Вспомогательного персонала было много, а наступать было некому. Плюс ко всему – оказывалась непомерно расширена сеть управления, было много звеньев, но каждое из них не могло самостоятельно выполнять задачу.

Для сравнения – в июне, в период подготовки Бобруйской операции, централизованное пополнение составило 60 %²¹², не говоря уже о свежей 28-й армии и переданных 1-му Белорусскому фронту других частях и соединениях.

Насчет боеприпасов, как уже доказывалось выше, больших проблем у фронта не было. Автор придерживается точки зрения, что вовсе не обязательно иметь по два боекомплекта на орудие и использовать огневой вал для успешного наступления (именно в два боекомплекта оценивал в мемуарах начальник штаба артиллерии фронта Г. С. Надывев расход боеприпасов при двойном огневом вале в июне 1944-го). И опыт действий 3-й армии показал, что можно было достигать успехов другими методами.

Начиная с середины января 1944 года «посредственно» работали все управления фронта, кроме политического. Штаб инженерных войск не мог дать инструкции и проконтролировать работу частей в лесисто-болотистой местности. Штаб артиллерии не справлялся с нагрузкой, и в армейских штабах работа штабов артиллерии оставляла желать лучшего. Правда, в штабе

²⁰⁸ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 235.

²⁰⁹ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 247.

²¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 390. Д. 81. Л. 137.

²¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 293. Л. 86.

²¹² ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 256. Л. 281.

артиллерии фронта имелось всего 13 человек²¹³. В июне штаты будут расширены почти в два раза – до 24 человек.

В оперативном управлении фронта предлагали наступать в лесисто-болотистой местности и рисовали планы, реализовать которые без подвижных соединений было невозможно. Даже в топографическом управлении были трудности – имевшиеся в войсках довоенные карты не соответствовали местности.

Ни фронт, ни армии в начале 1944 года не имели опыта боевых действий в лесисто-болотистой местности. Но в то же время управление войсками оставляло желать лучшего, лишь к середине февраля, спустя более чем два месяца после начала наступлений в штабе фронта начинают пытаться анализировать ошибки и пытаться обобщить опыт. Непонятно и то, почему так стремился наступать Рокоссовский, хотя начиная со 2 января Ставка не давала фронту каких-либо директив на наступление. Неясно – почему сроки подготовки в январе-феврале были сжаты до нескольких дней. Возможно, были какие-то устные указания из Генерального штаба и Ставки на постоянное ведение наступательных действий.

На эти вопросы автор ответить на основании проанализированных документов не готов. Стоит в то же время отметить, что весь этот опыт боев будет полностью учтен при подготовке наступления в июне, во всех звеньях управления в период подготовки «Багратиона» будет проведен разбор зимних боев. То есть зимой командиры учились наступать, к сожалению, ценой жизни своих солдат. Крайне силен был и противник, который был более подготовлен к обороне в лесисто-болотистой местности: все его дивизии на этом участке, 41-й танковый корпус, в целом 9-я немецкая армия – «ветераны» боев в лесисто-болотистой местности подо Ржевом. Советским войскам зимой 1943–1944 гг. противопоставить этой выучке пока нечего.

²¹³ *Надысев Г. С.* На службе штабной. М.: Воениздат, 1976. С. 163.

Глава 2. Планирование Бобруйской операции

2-1. Стратегическое планирование наступления в Белоруссии. «Оба удара главные»

Бобруйская наступательная операция явилась частью Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион», планирование которой осуществлялось в апреле-мае 1944 года. Высшим органом стратегического руководства Вооруженными силами СССР во время Великой Отечественной войны (с 8 августа 1941 г.) была Ставка Верховного главнокомандования (Ставка ВГК), опиравшаяся на подчиненный ей Генеральный штаб. Среди важных направлений деятельности Ставки – принятие стратегических и оперативно-стратегических решений, создание группировок войск, организация взаимодействия и координации действий в ходе операций между группами фронтов, фронтами и отдельными армиями. Именно в Ставке ВГК штабы фронтов представляли планы действий своих войск в ходе грядущих операций. Только после детального обсуждения и соответствующей корректировки в Ставке эти планы могли быть утверждены.

В предыдущей главе автор уже рассматривал историографию по действиям фронта Рокоссовского осенью 1943 – весной 1944 гг. Касаясь истории стратегического планирования операции «Багратион», отметим, что эта тема затрагивалась в мемуарах известных военачальников – Г. К. Жукова²¹⁴, К. К. Рокоссовского²¹⁵, И. Х. Баграмяна²¹⁶, С. М. Штеменко²¹⁷. В ряде же научных трудов, затронувших тему Белорусской наступательной операции, практически не представлен анализ действий СВГК в ее подготовительный период²¹⁸. И. П. Макар²¹⁹ хотя и посвятил этому вопросу одну из своих работ, но не уделил в ней должного внимания планам 1-го БФ и не осветил подробно многие важные вопросы, обсуждавшиеся на совещаниях в СВГК в конце мая 1944 г., в том числе и такой, как возникшие между Ставкой и Рокоссовским разногласия относительно плана боевых действий фронта в ходе Бобруйской операции. Рассматриваемая проблема остается «за кадром» и в работах исследователей действий СВГК в годы войны. Так, А. А. Александров²²⁰ этап планирования пересказывает с мемуаров Штеменко, а генерал-полковник Ю. А. Горьков²²¹ лишь упоминает об отсутствии согласия между Ставкой и Рокоссовским, цитируя мемуары последнего. Затронувшие эту тему бывший начальник штаба 1-го БФ генерал армии М. С. Малинин²²² и бывший член Военного совета фронта генерал-лейтенант К. Ф. Телегин²²³ ряд эпизодов трактуют по-разному. Таким образом, в отечественной историографии многие вопросы, связанные с планированием действий 1-го БФ в летней кампании 1944 г., до сих пор детально не изучены. Во многом это объясняется особой секретно-

²¹⁴ Жуков Г. К. Указ. соч.

²¹⁵ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 284.

²¹⁶ Баграмян И. Х. Указ. соч.

²¹⁷ Штеменко С. М. Указ. соч.

²¹⁸ История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. М., 1978. С. 40–42; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 4. М., 1962. С. 158–159; Боевые действия Советской армии в Великой Отечественной войне. М., 1958. С. 70–78; Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Т. 3. М., 1958. С. 290–299.

²¹⁹ Макар И. П. Указ. соч. С. 3–10.

²²⁰ Александров А. А. Указ. соч. С. 300–301.

²²¹ Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 117.

²²² Малинин М. Указ. соч. С. 19.

²²³ Телегин К. В боях за освобождение Белоруссии С. 83–84.

стью материалов, связанных с совещаниями СВГК и Генштаба в целом, но вполне вероятно, что исследователи не могли затрагивать эту тему в силу того, что в мемуарах некоторых видных военачальников изложены совершенно противоположные взгляды на один из важнейших эпизодов операции «Багратион» – планирование Бобруйской операции. Соответственно, остается неясным как сам процесс ее планирования штабом 1-го БФ, так и характер взаимодействия Ставки с фронтами в ходе подготовки этой операции. Подробнее историография по истории планирования операции анализировалась в первом параграфе первой главы.

Операция «Багратион» начала зарождаться в марте 1944 года, в апреле имели место устные беседы между советскими военачальниками, командующими фронтами относительно плана будущей операции. В начале мая Генштаб запросил соображения командующих фронтов относительно планов их действий. В конце мая план операции «Багратион» был согласован на совместном заседании Ставки ВГК и ГКО, а 30 мая – утверждён.

Начать говорить о непосредственном процессе планирования стоило бы с марта 1944 года. После неудачного наступления 48-й армии вдоль сначала западного (когда 19 февраля она наносила удар в ходе Рогачевской операции), а затем – восточного берега р. Березина (в начале марта) Рокоссовский направляет в Ставку краткую оценку обстановки и соображения о дальнейших действиях войск 1-го Белорусского фронта. В документе есть раздел «Возможные направления весеннего наступления войск фронта после распутицы»²²⁴. Приведем его ниже.

«1. Чаусы, Могилев. Наступление на этом направлении не выгодно по причинам:

а) оно может быть проведено с ограниченной целью – разгрома противостоящего противника и выхода на р. Днепр. Дальнейшее развитие операции потребует форсирования р. Днепр и затруднит развитие успеха на этом направлении;

б) для наступления на этом направлении необходимо будет создать сильную группировку за счет ослабления 50-й и 3-й армий, находящихся уже сейчас на западном берегу р. Днепр. Рокировка же сил и средств с западного берега р. Днепр не выгодна, а поэтому и нецелесообразна.

2. Быхов, Могилев. Это направление также не выгодно для наступательных действий по причинам:

а) в большинстве своем лесистая и местами сильно пересеченная местность дает возможность противнику даже небольшими силами создать прочную и глубокую оборону;

б) преодоление этой обороны потребует привлечения больших сил пехоты, артиллерии и большого расхода боеприпасов. Наступательная операция на этом направлении выльется в длительные затяжные бои, будет дорого стоить с точки зрения потерь в живой силе, технике и материальных затрат и вместе с тем может не привести к нужным нам решительным результатам.

3. Рогачев, Бобруйск, со вспомогательным ударом из района Мормаль на Бобруйск. Это направление наиболее выгодно:

а) местность позволит использовать для наступления все роды войск;

б) для организации наступления на этом направлении не потребуется производить сложных перегруппировок, так как уже сейчас основные силы и средства фронта расположены на западном берегу р. Днепр севернее Рогачев и между реками Днепр и Березина в районе Мормаль.

4. Паричи, Бобруйск. Это направление не выгодно по причинам:

а) наступление на этом направлении потребует создания сильной группировки за счет ослабления центра 3-й и 48-й армий;

²²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 256. Л. 214–215.

б) ослаблять центр рискованно, а поэтому нецелесообразно, так как противник, используя ослабление центральной группировки может сам перейти в наступление с целью отбросить наши части за р. Днепр.

Таким образом, из четырех возможных направлений наиболее выгодным для наступления является направление Рогачев, Бобруйск».

Отстаивая версию Г. К. Жукова о том, что Рокоссовский «не точен», два удара были спланированы в Ставке и никакого спора со Сталиным не было, А. В. Исаев приводит этот доклад Рокоссовского как один из двух аргументов того, что Рокоссовский сам изначально был за один главный удар на Бобруйск войсками 3-й армии²²⁵.

Делать такие выводы на основе документа, написанного за два месяца до принятия плана, к тому же не затрагивая события, которые произошли в период с 4 марта по конец мая 1944 г., на взгляд автора, нельзя. Некоторые комментарии Исаева и вовсе крайне неточны. Например, вывод Исаева звучит следующим образом: «Смысл его (плана дальнейших действий Рокоссовского. – М. С.), как мы видим, прямо противоположен тому, что писал впоследствии Рокоссовский, – Военный совет фронта в соображениях в Ставку настаивает на нанесении *одного главного удара 3-й и 48-й армиями* (курсив мой. – М. С.)»²²⁶. Отмечу, что по документу четко указывался главный удар 3-й армией и вспомогательный удар 48-й армией, таким образом должна была быть окружена жлобинская группировка противника.

Если рассматривать предложения Рокоссовского в контексте проведенной Рогачевской операции и последующего неудачного наступления 48-й армии – все будет выглядеть несколько по-иному. По сути, предлагается развить достигнутый в ходе операции успех. Отдельно стоит отметить, что направление Паричи, Бобруйск не выгодно именно из-за необходимости ослабить 3-ю и 48-ю армии. Здесь же отметим, что удар группировки 1-го Белорусского фронта под Паричами будет наноситься вовсе не на Бобруйск, а на другом, Карпиловском направлении (так оно указывалось в документах штаба фронта), в сторону Глуска.

Также заметим, что на направлении Паричи – Бобруйск местность вовсе не лесисто-болотистая. В 1944 году болота начинались юго-западнее Паричей, местность вдоль западного берега р. Березина была достаточно проходима.

Для подготовки наступления по предложенному Рокоссовским варианту 13 марта 48-я армия полностью сосредоточится восточнее Березины (ранее у армии был участок в 20 км и на западном берегу). Ее участок южнее Паричей был передан 65-й армии. Таким образом, силы 48-й и 3-й армий будут готовы нанести удар по сходящимся направлениям. Эта идея ляжет в основу плана Рокоссовского от 12 мая. Однако перед этим внимание комфронта будет приковано совершенно к другому направлению и первый план, который Рокоссовский попытается согласовать со Ставкой, будет совершенно иным.

В марте 1944 г. 2-й Белорусский фронт (генерал-полковник П. А. Курочкин) наступал в Полесье между 1-м Белорусским и 1-м Украинским (с 1.03 – Маршал Советского Союза Г. К. Жуков) фронтами. По этому поводу Рокоссовский писал: «Левым крылом фронт упирался в огромные полесские болота, что до крайности ограничивало возможность маневра»²²⁷. Считая неприемлемым и дальше наступать с тем же небольшим размахом, что и раньше, в конце марта Рокоссовский обратился к Верховному главнокомандующему И. В. Сталину с просьбой объединить 1-й и 2-й Белорусские фронты. Но только после провала операции по захвату Ковеля 2-м БФ было принято окончательно решение о его присоединении к 1-му БФ и о создании Белорусского фронта (назывался так с 5-го по 16 апреля, затем – 1-й Белорусский фронт вто-

²²⁵ Исаев А. В. Указ. соч. С. 169.

²²⁶ Исаев А. В. Указ. соч. С. 169.

²²⁷ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 281.

рого формирования). Таким образом, к 5 апреля фронт под командованием Рокоссовского имел протяженность в 800 км²²⁸, что «давало нам огромные преимущества в маневре силами и позволяло смело решиться на организацию удара в обход Полесья, как с севера, из района Бобруйска, так и с юга, из района Ковеля»²²⁹. Таким образом, ни о каких наступательных действиях в полесских болотах тогда речь не шла. 12 апреля штаб фронта Рокоссовского переместился из Гомеля в Овруч²³⁰, т. е. на левый фланг фронта – именно туда прежде всего и было обращено внимание командующего.

Начало планирования наступления в Белоруссии было положено 12 апреля 1944 г. (в СВГК принято решение о том, что одной из первоочередных задач в летней кампании станет разгром группировки немецких войск на территории республики). 15 апреля Белорусский фронт перешел к обороне. 22 апреля заместителя Верховного главнокомандующего Маршала Советского Союза Жукова вызвали в Ставку для обсуждения летне-осенней кампании 1944 г. В тот же день в 17 часов состоялось заседание Генерального штаба Красной армии, на котором было решено осуществить основной удар силами наступающих в Белоруссии фронтов²³¹. Бывший в то время начальником Генерального штаба Маршал Советского Союза А. М. Василевский вспоминал, что начиная с 23 апреля с юга, в частности с Крымского полуострова, приступили к выводу сил на белорусское направление²³².

Этим событиям предшествовали весьма успешные наступательные операции РККА на правобережной Украине, в результате которых образовался «Белорусский балкон». Линия фронта проходила с севера на юг от Витебска до Бобруйска, а затем поворачивала на восток и далее шла вдоль районов Полесья, доходя почти до советско-польской границы. Поэтому в конце мая советское верховное командование, исходя из построения обороны противника, после долгих совещаний окончательно утвердило план: силами 3-го и 1-го Белорусских фронтов нанести удар по сходящимся направлениям на Минск; на первом этапе эти фронты проводили фронтовые Витебско-Оршанскую и Бобруйскую операции соответственно. В центре перед фронтом Рокоссовского простиралась полесские болота. Ему предстояло провести операцию, которая, согласно плану всего наступления в Белоруссии, должна была стать одной из ключевых. На втором этапе войскам именно 1-го БФ предстояло соединиться с 3-м БФ под Минском, окружив все немецкие части, располагавшиеся в треугольнике Бобруйск – Минск – Витебск.

Однако в конце апреля общего плана проведения операции еще не было – в Ставке только начали принимать предложения от командующих фронтами. 24 апреля в кабинете Сталина Рокоссовский изложил свой план наступательной операции. Так как он находился в кабинете с 21:20 до 22:30 вместе с заместителем начальника Генштаба генералом армии А. И. Антоновым и заместителем начальника Оперативного управления Генштаба генерал-лейтенантом А. А. Грызловым²³³, вероятнее всего (с учетом принятого 22 апреля решения о наступлении в Белоруссии), там обсуждались именно дальнейшие действия 1-го БФ. План Рокоссовского в первую очередь касался левого участка фронта, что подтвердил и заместитель командующего 1-го БФ по тылу генерал-лейтенант Н. А. Антипенко: «Из бесед с Рокоссовским и Малининым стало ясно, что главный удар по противнику будет наносить левое крыло фронта – со стороны Ковеля на Люблин»²³⁴.

²²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 7. Л. 98.

²²⁹ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 281.

²³⁰ Холли А. Т. Радисты фронта. М., 1985. С. 136.

²³¹ Освобождение Белоруссии. 1944... С. 16.

²³² Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1978. С. 389.

²³³ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / Научный редактор А. А. Чернобаев. М.: Новый хронограф, 2008. С. 431.

²³⁴ Антипенко Н. А. Рядом с Г. К. Жуковым и К. К. Рокоссовским (Очерки). М., 2001. С. 23.

Первый план действий 1-го Белорусского фронта (апрель 1944).

26 апреля Рокоссовский с начальником оперативного управления штаба фронта ген. – майором И. И. Бойковым вновь прибыл в Генштаб, где представил наметку планов наступления на Бобруйском и Ковельском направлениях²³⁵. План действий правого крыла фронта под Бобруйском предусматривал нанесение удара по сходящимся направлениям: 48-й (4 сд) и 65-й (5 сд) армий – у р. Березины (всего 9 сд), и 3-й армии из района Рогачева (10 сд) в общем направлении на Телушу, Титовку. По смыслу план, отправленный 12 мая в Ставку, будет именно таким. В журнале боевых действий 1-го Белорусского фронта за июнь читаем: «При поездке в Генеральный штаб 26.4.44 г. командующего войсками фронта и начальника оперативного отдела была сделана, в соответствии с полученными указаниями, наметка плана операции на Бобруйском направлении. Тогда же, по указанию командующего войсками фронта, начальником оперативного отдела был набросан на карте план операции войск левого крыла фронта»²³⁶. Именно на «левом крыле фронта» до начала мая командование 1-го БФ будет планировать главный удар, обходя труднопроходимые районы Полесья. Так рождался первый план наступательных действий 1-го БФ, о котором напишут все биографы Рокоссовского по изданным в 1968 г. воспоминаниям бывшего начальника Оперативного управления Генштаба генерал-полковника С. М. Штеменко.

В конце апреля штаб 1-го БФ подготовил общий план наступления своих войск. Согласно мемуарам Штеменко²³⁷ и Рокоссовского²³⁸, операцию планировалось провести в два этапа: на

²³⁵ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 33. Л. 25.

²³⁶ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 256. Л. 4.

²³⁷ Штеменко С. М. Указ. соч. С. 174.

²³⁸ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 281–282.

первом, продолжительностью до 12 дней, силами четырех армий следовало захватить вражеские позиции по восточному берегу р. Западный Буг на участке от Бреста до Владимир-Волынского, обойдя таким образом правый фланг группы армий «Центр»; на втором – задействовать уже все силы фронта с целью разгромить бобруйскую и минскую группировки противника. Левофланговые армии должны были из района Бреста прорваться в тыл врага на Кобрин – Слоним – Столбцы, обходя полесские болота с севера. Второй удар наносился правым крылом фронта из района Рогачев – Жлобин в общем направлении на Бобруйск – Минск. На всю операцию с учетом подготовительного периода требовалось до 30 дней. Успех обходного маневра гарантировался только при условии усиления обходящего левого крыла фронта одной – двумя танковыми армиями, так как, по данным штаба 1-го БФ, на брестско-ковельском направлении было сосредоточено $\frac{3}{4}$ находящихся перед фронтом всех сил противника²³⁹. «Такой замысел представлял значительный интерес и служил примером оригинального решения наступательной задачи на очень широком фронте... – писал Штеменко. – К сожалению, Ставка не имела возможности в сложившейся тогда обстановке выделить и сосредоточить в районе Ковеля необходимые силы и средства, особенно танковые армии. Поэтому чрезвычайно интересный замысел К. К. Рокоссовского осуществлен не был»²⁴⁰.

К этому стоит добавить, что, по воспоминаниям Жукова, «в конце апреля И. В. Сталин принял окончательное решение о проведении летней кампании, в том числе и Белорусской операции, и дал указание А. И. Антонову организовать в Генштабе работу по планированию фронтовых операций и начать сосредоточение войск и материальных запасов фронтам»²⁴¹. Получается, что именно в конце апреля выяснилось, что изначальный план Рокоссовского не может быть претворен в жизнь из-за нехватки резервов. Значит, по указанию СВГК продвигавшийся еще с конца марта штабом 1-го БФ план должны были пересмотреть. Первый план действий фронта Ставка не приняла и предложила его сократить, о чем впоследствии писал Штеменко: «Сосредоточились на урезанном варианте операции севернее припятских лесов и болот. Перед тем мы снова запросили соображения командующего 1-м Белорусским фронтом, указав на перспективу подчинения ему 28-й армии и 9-го танкового корпуса»²⁴².

Точную дату отправки в штаб 1-го БФ сообщения Ставки о необходимости пересмотра плана его действий установить не удалось, однако на собранном 4 мая Военном совете фронта уже четко оговаривалось, что из резерва СВГК выделяется 28-я армия²⁴³. Следовательно, данное сообщение могло быть отправлено между 28 апреля (принятие Сталиным окончательного решения о наступлении в Белоруссии) и 4 мая. Уже 12 мая новую редакцию плана направили в Ставку, которая, бесспорно, дав указания пересмотреть первоначальный вариант, определила конкретные сроки на доработку документа. Так, вызванный в Москву в начале мая Баграмян вспоминал о разговоре с Антоновым, сообщившим ему, что «примерно в середине мая Ставка намерена совместно с командующими войсками фронтов рассмотреть и утвердить окончательный ее замысел и план подготовки»²⁴⁴. Таким образом, времени на переработку плана операции у штаба 1-го БФ почти не оставалось.

4 мая 1944 г. Рокоссовский провел совещание (присутствовали командующие 3, 48 и 65-й армий, командующие артиллерией этих армий, а также начальники тыла и артиллерии фронта, заместители командующего фронта по родам войск и командующий 16-й воздушной армией) и озвучил поступившие указания высшего командования по проведению операции с целью

²³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 113. Л. 87.

²⁴⁰ Штеменко С. М. Указ. соч. С. 174–175.

²⁴¹ Жуков Г. К. Указ. соч. С. 219–220.

²⁴² Штеменко С. М. Указ. соч. С. 176–177.

²⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 26. Л. 38.

²⁴⁴ Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 296–297.

выхода войск фронта на дороги восточнее Бобруйска, т. е. на восточный берег р. Березина. В имеющейся в фонде оперативного управления штаба 1-го БФ записке о ходе совещания²⁴⁵ присутствуют именно слова «указания высшего командования». То есть, по-видимому, план действий войск фронта на правом фланге Рокоссовским был обговорен со Ставкой и в общих чертах утвержден.

На совещании командиры армий выступили с докладами с соображениями по осуществлению операции, целью которой был выход на дороги восточнее Бобруйска. Генерал Горбатов доложил, что прорыв 3-й армии будет осуществляться с плацдарма в районе Бол. Коноплицы и севернее, с форсированием р. Друть. Для выполнения задач армия нуждается в 6 тыс. человек пополнения. Кроме того, Горбатов просит выделить ему 1-й гв. танковый корпус для развития успеха войсками армии. Он же докладывает, что 193-й танковый полк 3-й армии не имеет матчасти и не боеспособен. А армии для успешного наступления к началу операции требуется до 100–120 танков. Также армии для усиления нужна хотя бы одна минометная бригада, кроме того, Горбатов отмечает, что два полка реактивной артиллерии, предназначенные для поддержки армии, до сих пор в армию не прибыли.

Командующий 48-й армией генерал Романенко планирует наступать между р. Ола и р. Березина через м. Щедрин с дальнейшим выходом на ж/д Жлобин – Бобруйск. Для этого он просит выделить ему 42-й стрелковый корпус, который Горбатов собирался использовать для вспомогательного удара в своей полосе. После того как Романенко отверг возможность успеха наступления через р. Днепр, Горбатов, ссылаясь, «выразил сомнение» в том, что части 48-й армии пробьют лесной массив на направлении главного удара. Подчеркну, что именно этот аргумент, а именно – невозможность наступления на участке 48-й армии, по мемуарам Рокоссовского, станет главной причиной пересмотра плана действий его войск.

Затем выступал Батов. Он предлагал нанести удар армией на Паричи в обход болотистого массива южнее Паричей с юго-запада. Батов подчеркнул, что этот удар в основном одобрен командующим фронтом. Командарм 65-й предлагал начать операцию раньше 3-й армии, при этом та должна будет начать наступление не позже, чем через двое суток после начала наступления войсками 65 и 48-й армий. Батов просил для поддержки выделить армии артиллерийскую дивизию.

Выступивший затем Рокоссовский предложил командармам провести разработку и планирование операции с учетом своих сил и средств усиления²⁴⁶.

По итогам присланных штабами армий наметок их предстоящих действий штаб 1-го БФ разработал «План наступательной операции правофланговых армий фронта на Бобруйском направлении»²⁴⁷.

Из этого документа, значившегося как «Доклад Верховному главнокомандующему», выделим несколько характерных моментов. В представленном плане не было главного и вспомогательного удара. Здесь и далее необходимо очень точно следить за мельчайшими деталями в документах. Например, в плане указывалось:

²⁴⁵ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 26. Л. 38–41.

²⁴⁶ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 26. Л. 38–41.

²⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 26. Л. 42–48.

Второй план действий войск фронта (12 мая 1944)

«2. Цель наступательной операции – разгромить жлобинскую группировку противника и главными силами правого крыла фронта выйти на рубеж: Хомичи, Подсёлы, Виленки, Новгородок, Пацова слобода, Козулич, Морховичи, Гута, р. Березина, м. Паричи, Кньшевичи, Чернин, Петровичи.

В дальнейшем (выделение мое. – М. С.), при наличии возможности питать операцию из глубины, развивать успех в направлениях:

- а) главный удар – Бобруйск, Осиповичи, Минск;
- б) вспомогательный удар – м. Паричи, Слуцк, Барановичи.

3. Время – на проведение операции потребуется семь рабочих дней»²⁴⁸.

А. В. Исаев в своей работе приводит этот фрагмент плана²⁴⁹, однако слова «в дальнейшем» он не замечает и делает вывод о том, что изначально Рокоссовский предполагал нанесение главного и вспомогательного удара, совершенно не учитывая, что войска фронта, по сути, наносили удар по сходящимся направлениям с целью окружить жлобинскую группировку противника.

²⁴⁸ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 26. Л. 42.

²⁴⁹ Исаев А. В. Указ. соч. С. 169.

Так, согласно плану, 3-я армия на седьмой день операции выходила в район Ступени (восточный берег Березины – 10 км юго-восточнее Бобруйска), где соединялась с частями 48-й армии, создавая «котел» жлобинской группировке противника. При выходе на берег Березины в стык между 48-й и 3-й армиями направлялась 28-я армия, в задачи которой входило взятие Бобруйска. При этом вопрос о возможности подчинения фронту 28-й армии, по-видимому, как и о подчинении 9-го танкового корпуса, был еще не решен. Относительно взятия Бобруйска в плане указывался как вариант с использованием 28-й армии, так и без. При наличии 28-й армии войска левого фланга 3-й армии должны были наступать на Свислочь вдоль левого берега р. Березина.

Отметим также, что цель операции – «разгромить жлобинскую группировку противника»²⁵⁰. Начать наступление предполагалось частями 3-й и 48-й армий в зависимости от состояния дорог уже 1–5 июня. Правый фланг 65-й армии должен был выступить на два дня раньше.

Говоря о том, какой же удар был важнее, стоит привести состав войск 3-й, 48-й и 65-й армий.

		3-я армия	65-я и 48-я армии
Стрелковые дивизии	на главных направления	13	11
	всего	16	14
Танковые корпуса		1	—
Артиллерийские дивизии		1	1
Истребительные противотанковые артполки		4	3
Гвардейские минометные полки («катюши»)		3	4
Танковые полки		2	2
Корпусные полки самоходной артиллерии		4	4
Пушечные артиллерийские полки		2	2
Пушечные артиллерийские бригады		2	—

То есть фактически, без учета танкового корпуса, силы 3-й армии были приблизительно равны силам 48-й и 65-й армий. Однако план использования авиации предполагал обеспечение всеми силами наступления 3-й армии. То есть, несмотря на то, что в плане главные и вспомогательные удары напрямую не прописывались, большее внимание уделялось 3-й армии.

В литературе план от 12 мая был упомянут в мемуарах Штеменко. Особо отмечу, что если сначала Штеменко частично указывает на данный план («целью операции для 1-го Белорусского фронта они считали разгром жлобинской группировки гитлеровцев, а в дальнейшем – развитие успеха на Бобруйск, Осиповичи, Минск»)²⁵¹, то достоверность его следующего пред-

²⁵⁰ *Исаев А. В.* Указ. соч. С. 42.

²⁵¹ *Штеменко С. М.* Указ. соч. С. 177.

ложения вызывает большие сомнения: «При этом главные силы фронта наносили не один, а два одновременных удара равной мощи: первый – по восточному берегу реки Березина с выходом на Бобруйск, второй – по западному берегу, в обход Бобруйска с юга. Применение двух одинаковых по силе главных ударов, во-первых, дезориентировало противника, было для него внезапным, во-вторых, лишало его возможности противодействовать нашему наступлению с помощью маневра. Вспомогательные действия намечались в направлении Слуцк, Барановичи»²⁵². В этом отрывке Штеменко допустил неточность. Как уже упоминалось ранее, лишь в дальнейшем намечалось нанести два удара: главный – Бобруйск – Осиповичи – Минск и вспомогательный – м. Паричи – Слуцк – Барановичи²⁵³. Штеменко не только называет эти удары главными, но и неверно указывает второй удар – «в обход Бобруйска с юга». Такого удара не было ни в плане от 12 мая, ни в итоговом. Это в корне меняет истинный замысел операции, спланированной в штабе 1-го БФ. Особенно странно, что Штеменко пишет одновременно и о «двух главных ударах», и о «вспомогательном» на Слуцк. Поэтому важно понимать, что план от 12 мая абсолютно не походил на тот, который в итоге утвердили в Ставке.

То, что эти строки Штеменко представил читателю до своего описания совещаний в СВГК в конце мая, может привести к ложному выводу о том, что уже 20 мая в плане Генштаба, представленном Антоновым Сталину, данные «удары» фигурировали. Отсутствие же их, как выяснилось, в плане от 12 мая существенно меняет наше видение общего положения дел, которое сложилось перед окончательным обсуждением плана операции в Ставке.

Отсюда у Штеменко и неверная формулировка цели Бобруйской операции («разгром жлобинской группировки противника»), которая ставилась до совещаний в Ставке. Это был уже второй план операции, который разрабатывался в период с 4-го по 11 мая, а по смыслу был основан на предложениях Рокоссовского, направленных в Ставку в марте месяце. Реализован же был вообще другой план.

Отмечу, что в имеющихся по рассматриваемой проблеме источниках самое большое число противоречий связано с темой обсуждения в Ставке планов Белорусской операции. Согласно Штеменко, ее разработка была завершена к 14 мая, когда «все было сведено в единый план и оформлено в виде короткого текста и карты»²⁵⁴, т. е., приняв все соображения штабов фронтов, СВГК оформила их в единый документ, текст которого от руки написал генерал А. А. Грызлов. 20 мая этот общий план подписал Антонов.

В тот же день разработанный Генштабом план операции был представлен Верховному главнокомандующему. Жуков вспоминал, что его, Василевского и Антонова Сталин вызвал в Ставку, чтобы «окончательно уточнить решение (курсив мой. – М. С.) Верховного главнокомандования по плану летней кампании»²⁵⁵. Однако это подразумевает утверждение всего плана операции, что противоречит словам Василевского: «20 мая разработанный Генштабом план Белорусской операции был представлен Верховному главнокомандующему. Вскоре он был рассмотрен в Ставке с участием некоторых командующих и членов военных советов фронтов. В ближайшие же дни Генштаб должен был представить уточненный план на окончательное утверждение в Ставку»²⁵⁶. Таким образом, 20 мая Сталин ничего не подписывал и ничего не утверждал. Далее Василевский пишет, что в этот день был представлен оформленный еще 14 мая «разработанный Генштабом план».

Представленный 20 мая план следует процитировать:

²⁵² Штеменко С. М. Указ. соч. С. 177.

²⁵³ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 26. Л. 43.

²⁵⁴ Штеменко С. М. Указ. соч. С. 177.

²⁵⁵ Жуков Г. К. Указ. соч. С. 220.

²⁵⁶ Василевский А. М. Указ. соч. С. 399–400.

«1. Цель операции – ликвидировать выступ противника в районе Витебск, Бобруйск, Минск и выйти на фронт Десна, Молодечно, Столбцы, Старобино.

2. Группировка противника показана на карте. Всего на фронте от Полоцка до р. Припять в первой линии – 33 дивизии, в резерве – 9 дивизий, итого – 42 дивизии.

3. Замысел операции – нанести удары по флангам выступа:

а) с севера, с фронта Сиротино, Лиозно в общем направлении на Сено, Борисов, Минск;

б) с юга, с фронта Новый Быхов, Озаричи в общем направлении на Бобруйск, Минск²⁵⁷.

4. Группировка сил и средств. Группа „А“ действует с фронта Сиротино, Лиозно в составе войск:

«...» Группа „Б“ действует с фронта Новый Быхов, Озаричи в составе войск:

– 2-го Белорусского фронта (50-я армия: сд – 9);

– 1-го Белорусского фронта (3, 48-я и 65-я армии: сд – 29, тк – 1, мк – 1, ад – 2, гв. мд – 1).

Всего в группе „Б“: сд – 38, тк – 1, мк – 1, ад – 2, гв. мд – 1. «...»

5. Задачи фронтов.

«...» 1-й Белорусский фронт прорывает оборону противника на двух участках – севернее Рогачева и на фронте Мормаль, Озаричи, нанося удар в общем направлении на Бобруйск. В дальнейшем развивает наступление в обход Минска с юга и частью сил на Слуцк.

На первом этапе – овладевает районом Бобруйска.

На втором этапе – выходит на фронт Минск, Столбцы, Старобино.

Общая глубина операции – 200–250 км, продолжительность – 40–50 дней.

6. Резервы. В районе Смоленска – 51-я А (сд – 9), в районе Рославля – два ск (сд – 5), в районе Гомеля – 28-я А и 2-я гв. А (сд – 18).

Всего в резерве 32 стр. дивизии.

7. Начало операции – 15–20 июня 1944 г.

АНТОНОВ»²⁵⁸.

Анализируя данный план, стоит отметить следующее. Во-первых, изменился состав войск 1-го Белорусского фронта. В плане от 12 мая не прописывалось привлечение одного механизированного корпуса и одной гвардейской минометной дивизии. Кроме того, если привлечение одного танкового корпуса (9 тк) ранее было под вопросом – то в плане от 20 мая это соединение уже включено в состав 1-го БФ. При этом, что странно, 28-я армия по-прежнему в резерве Ставки.

Еще большие отличия заключаются в плане действий войск. Участок прорыва для 48-й армии остался прежним – от Мормаль до р. Березины. А вот участок 65-й армии оказался расширен на 20 км на юго-запад до Озаричей, то есть в два раза. Но в то же время по этому замыслу фронт наносил с двух участков удар в общем направлении на Бобруйск (также как и по плану от 12 мая), а далее, в точности по плану Рокоссовского от 12 мая, – наносил удар в обход Минска с юга и частью сил на Слуцк. К тому же изменилась задача первого этапа –

²⁵⁷ Здесь и далее выделения в тексте мои.

²⁵⁸ ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 7а. Л. 258–261 // Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12–4). М., 2001. С. 205–206.

фронт должен был не просто выйти к р. Березине (как это было по плану от 12 мая), но и также овладеть районом Бобруйска.

Утверждать, что «удар в общем направлении на Бобруйск» должен был осуществляться уже 65-й армией без каких-либо дополнительных сведений, например – карты, нельзя. Да и к тому же если это и так, то становится неясно, какова должна была быть роль 48-й армии, которая по плану от 12 мая вместе с 3-й армией тоже наносила удар в общем направлении на Бобруйск, в результате чего окружалась жлобинская группировка противника. В Замысле от 20 мая участок 48-й армии от Мормаль до р. Березины был включен в участок прорыва. То есть – удар «в общем направлении на Бобруйск» мог осуществляться 48-й армией, а значит, роль 65-й армии оставалась вспомогательной, особенно если учесть тот факт, что 28-я армия, по «Замыслу», оставалась в резерве.

Возникают вопросы и к процессу изменения плана относительно предыдущего от 12 мая: неужели Ставка могла без ведома Рокоссовского «прирезать» ему фронт прорыва, да и к тому же – выделить дополнительно мехкорпус и дивизию гвардейских минометов? И это при том, что на левом крае участка прорыва в районе Озаричей местность уже лесисто-болотистая, и принять решение на наступление здесь Ставка вряд ли могла сама. Отмечу, что план этот неокончателен, после 26 мая фронту дополнительно будет передан один танковый и один кавалерийский корпус, 28-я армия, несколько авиационных корпусов, которых в «Замысле» от 20 мая не было.

Отдельно хотелось бы отметить, что никакой речи о «двух ударах» в плане от 20 мая также нет. За долгие годы в отечественной литературе никто так и не поднял вопрос о различиях между ударом по сходящимся направлениям и «двумя ударами». Хотя разница очевидна: если в первом случае группировка противника должна быть окружена, то во втором – наносятся два рассекающих удара.

И если в итоге 1-й БФ действовал по совершенно другому плану, вывод остается один – новый план был принят уже непосредственно в Москве на последующих совещаниях. Вокруг хода этих совещаний и развернулась полемика между Жуковым и Рокоссовским.

Рокоссовский вспоминал: «Окончательно план наступления отработывался в Ставке 22-го и 23 мая. Наши соображения о наступлении войск левого крыла фронта на люблинском направлении были одобрены, а вот решение о двух ударах на правом крыле подверглось критике. Верховный главнокомандующий и его заместители настаивали на том, чтобы нанести один главный удар – с плацдарма на Днепре (район Рогачева), находившегося в руках 3-й армии. Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого „продумывания“ приходилось с новой силой отстаивать свое решение. Убедившись, что я твердо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представили.

– Настойчивость командующего фронтом, – сказал он, – доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха»²⁵⁹.

Впервые Рокоссовский затрагивает данный эпизод в 1964 г. в своем интервью «Военно-историческому журналу»²⁶⁰. Биографы маршала В. И. Кардашов²⁶¹, В. Г. Радченко²⁶², И. Сви-стунув²⁶³, А. Ф. Корольченко²⁶⁴, К. К. Константинов²⁶⁵ и исследователь действий СВГК в

²⁵⁹ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 284.

²⁶⁰ Рокоссовский К. К. Два главных удара С. 13–18.

²⁶¹ Кардашов В. И. Указ. соч. С. 358–360.

²⁶² Радченко В. К. Указ. соч. С. 322.

²⁶³ Сви-стунув И. Указ. соч. С. 192–293.

²⁶⁴ Корольченко А. Ф. Указ. соч. С. 109–110.

²⁶⁵ Константинов К. Указ. соч. С. 231–234.

годы Великой Отечественной войны Ю. А. Горьков²⁶⁶ описывают вышеназванные совещания, исходя исключительно из версии маршала, не сомневаясь в том, был ли на самом деле спор между ним и Сталиным (то же относится и к уже упомянутой статье Макара).

Особого внимания заслуживает книга Б. В. Соколова²⁶⁷, который сначала фактически цитирует мемуары Рокоссовского²⁶⁸, а затем с ярко выраженным желанием связать их с журналом посещений кремлевского кабинета И. В. Сталина пишет о том, что описываемое совещание на самом деле состоялось 26 мая. Это в принципе не стыкуется ни с одними мемуарами, кроме самого журнала, да и к тому же – других аргументов Соколов не приводит.

Такая трактовка хода совещания в Ставке, при которой точка зрения Рокоссовского сомнению не подвергается, была бы вполне оправданна, если бы на нем присутствовали только Рокоссовский и Сталин. В действительности, по воспоминаниям участвовавшего в работе совещания Баграмяна, там еще находились Жуков, Василевский, Антонов, член Военного совета 1-го БФ генерал-лейтенант Н. А. Булганин, член Военного совета 3-го БФ генерал-лейтенант В. Е. Макаров и член Военного совета 1-го Прибалтийского фронта генерал-лейтенант Д. С. Леонов²⁶⁹. При этом в мемуарах Жукова отмечено: «Существующая в некоторых военных кругах версия о „двух главных ударах“ на белорусском направлении силами 1-го Белорусского фронта, на которых якобы настаивал К. К. Рокоссовский перед Верховным, лишена основания. Оба эти удара, проектируемые фронтом, были предварительно утверждены И. В. Сталиным еще 20 мая по проекту Генштаба, то есть до приезда командующего 1-м Белорусским фронтом в Ставку»²⁷⁰. Становится непонятным, почему в научных трудах не были использованы воспоминания Жукова. Кроме того, если в мемуарах Василевского ничего не сказано о совещании в Ставке, то Баграмян в своих воспоминаниях затронул этот вопрос, и что интересно – его точка зрения не совпадает с мнением ни Жукова, ни Рокоссовского.

В. О. Дайнес²⁷¹ был единственным биографом Рокоссовского, использовавшим в ходе своего исследования не только мемуары Жукова, но и запись беседы К. М. Симонова с Василевским, в ходе которой маршал говорил о том, что не помнит ни о каком споре Рокоссовского с Верховным главнокомандующим. Тот факт, что некоторые военачальники были не согласны с описанием Рокоссовского событий в Ставке, упоминает и Ю. В. Рубцов²⁷². Правда, ни Дайнес, ни Рубцов не сделали никаких выводов, оставив вопрос открытым.

Отдельно стоит сказать о мемуарах Штеменко²⁷³, исходя из которых, можно действительно прийти к выводу о том, что 20 мая оба удара 1-го БФ фигурировали в общем плане Генштаба. Так, Л. С. Золотов²⁷⁴, основывая свои выводы на воспоминаниях Жукова и Штеменко, пишет о том, что Рокоссовский не спорил со Сталиным, а «оба удара» спланировал Генштаб. Учитывая, что в мемуарах Штеменко допущена неточность, этот вывод становится безосновательным. Именно мемуары Штеменко, изданные до «Воспоминаний...» Жукова, путали многих исследователей. Поэтому, например, Константинов²⁷⁵ и Кардашов²⁷⁶, отстаивая точку зре-

²⁶⁶ Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 117.

²⁶⁷ Соколов Б. Рокоссовский. М., 2010.

²⁶⁸ Соколов Б. Рокоссовский. М., 2010. С. 299–301.

²⁶⁹ Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 299–300.

²⁷⁰ Жуков Г. К. Указ. соч. С. 220.

²⁷¹ Дайнес В. Рокоссовский. Гений маневра. М., 2008. С. 449–450.

²⁷² Рубцов Ю. В. «Советский Багратион» маршал К. К. Рокоссовский (1896–1968) // Новая и новейшая история. № 6. 2004. С. 145–146.

²⁷³ Штеменко С. М. Указ. соч.

²⁷⁴ Золотов Л. С. Полководческая деятельность К. К. Рокоссовского в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

²⁷⁵ Константинов К. Указ. соч. С. 230.

²⁷⁶ Кардашов В. Указ. соч. С. 356–357.

ния Рокоссовского, в то же время писали о том, что «два удара» были запланированы уже 12 мая.

В сборнике «Три маршала победы»²⁷⁷ из девяти статей о Рокоссовском, часть которых посвящена и его личным отношениям с Жуковым, лишь публикация Г. А. Куманева затрагивает вопросы подготовки Белорусской операции и спора маршала с Верховным²⁷⁸. Упомянув о принятии решения о нанесении «двух главных ударов», автор пишет: «Сам ход и развитие Белорусской операции в июне-июле 1944 г. блестяще подтвердили всю правоту указанного неординарного и смелого решения Рокоссовского. (Вскоре Ставка ВГК после продолжительного обсуждения приняла этот план)»²⁷⁹. Значит, Куманев считает действительным случай, описанный Рокоссовским (правда, на основе лишь одного источника – статьи К. Ф. Телегина²⁸⁰).

В мемуарах Жукова общий ход принятия плана операции «Багратион» описан достаточно подробно (видимо, поэтому значительная часть описываемых маршалом событий повторялась и в других источниках). Утверждение его о том, что после представления плана 20 мая Верховный главнокомандующий вызвал в Ставку командующих фронтами Баграмяна, Черняховского и Рокоссовского²⁸¹, сомнений не вызывает, но возникает вопрос: когда же именно проходили совещания с командующими? Жуков записал: «22 мая Верховный главнокомандующий в моем присутствии принял А. М. Василевского, А. И. Антонова, К. К. Рокоссовского, а 23 мая И. Х. Баграмяна и И. Д. Черняховского». Однако, по воспоминаниям Штеменко и Баграмяна, Черняховский отсутствовал по болезни и в этих заседаниях не участвовал²⁸². Это подтверждает и Горьков, основываясь на журнале боевых действий 3-го Белорусского фронта и указывая, что Черняховский прибыл в Ставку лишь 25 мая²⁸³.

Командующий 1-м Прибалтийским фронтом Баграмян пишет, что, прибыв в Москву 22 мая, он был приглашен в Генеральный штаб «для ознакомления с замыслом и планом предстоящей наступательной операции, подготовленными для доклада Сталину». При этом автор указывает, что в кабинете Антонова уже находился Рокоссовский: «Когда перешли к делу, генерал А. И. Антонов объявил, что нам предстоит поочередно обсудить с Г. К. Жуковым и А. М. Василевским, которые готовы принять нас, все вопросы, связанные с участием войск каждого фронта в намечаемой операции... Первыми, в порядке установленной очередности, побывали на приеме у ближайших соратников И. В. Сталина мы с Леоновым»²⁸⁴.

Однако, согласно имеющимся документам, не было Баграмяна в Москве ни 22-го, ни 23 мая, поскольку находился он на фронте. Проверить это очень просто по ежедневным боевым донесениям 1-го Прибалтийского фронта²⁸⁵. Ежедневно под этим документом ставили свои подписи И. Х. Баграмян, член военного совета фронта Д. С. Леонов и начальник штаба фронта В. В. Курасов. По журналу посещений кремлевского кабинета И. В. Сталина находим, что последний раз Баграмян был в Москве 1 апреля. Все верно, в этот день подписи его нет²⁸⁶. Не подписывал он с Леоновым и боевые донесения в период с 24-го по 27 мая²⁸⁷. А вот 22-го и 23 мая – подпись и его, и Леонова – есть.

²⁷⁷ Три маршала победы. М., 1999.

²⁷⁸ Куманев Г. А. Маршал Рокоссовский в воспоминаниях его соратников // Там же. С. 267–282.

²⁷⁹ Куманев Г. А. Маршал Рокоссовский в воспоминаниях его соратников // Там же. С. 276–277.

²⁸⁰ Телегин К. В боях за освобождение Белоруссии С. 83–84.

²⁸¹ Жуков Г. К. Указ. соч. С. 220.

²⁸² Штеменко С. М. Указ. соч. С. 177; Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 299–300.

²⁸³ Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 117.

²⁸⁴ Баграмян. И.Х. Указ. соч. С. 297.

²⁸⁵ ЦАМО РФ. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 119.

²⁸⁶ ЦАМО РФ. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 118. Л. 186.

²⁸⁷ ЦАМО РФ. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 119. Л. 36–40.

По воспоминаниям Баграмяна, на совещании 23 мая кроме него присутствовали: Сталин, Жуков, Василевский, Антонов, Рокоссовский, Булганин, Макаров и Леонов²⁸⁸. Штеменко приводит иной состав: Жуков, Василевский, Баграмян, Рокоссовский, члены военных советов 1-го и 3-го Белорусских фронтов, а также Главный маршал авиации А. А. Новиков, Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, начальник Главного артиллерийского управления РККА маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, начальник тыла РККА генерал армии А. В. Хрулев, маршал инженерных войск М. П. Воробьев, нарком связи СССР маршал войск связи И. Т. Пересыпкин и работники Генштаба во главе с Антоновым²⁸⁹.

Яковлев и Воронов в своих воспоминаниях ничего не пишут о совещаниях в СВГК²⁹⁰. Пересыпкин описывает первую часть совещания, что началась с доклада Антонова: «В Ставке Верховного главнокомандования 22-го и 23 мая 1944 года состоялось совещание, в котором принимали участие И. В. Сталин, командующие и члены военных советов 1, 2, 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов, руководящие работники Генерального штаба и наркомата обороны. Для участия в работе совещания в числе других пригласили и меня»²⁹¹. Тем не менее Иван Терентьевич полностью подтверждает факт присутствия на заседании тех, кого называли Штеменко и Баграмян²⁹². Однако, получается, есть нюанс. Как ранее уже было упомянуто – Баграмян, которого все называют участником совещания, в Москве в этот момент не находился.

А вот тот факт, что Рокоссовский и начальник оперативного управления 1-го БФ Бойков 22–23 мая были в Москве, может подтвердить «Наметка плана операции левого крыла войск 1-го БФ»²⁹³. На самой карте есть надпись: «выполнена Нач. ОперУпр генерал-майором Бойковым при поездке с комфронта в ГШКА 22–23 мая 1944 г.». Оперативные сводки штаба 1-го БФ обычно подписывал также Бойков. 24 апреля Рокоссовский был в Москве (согласно журналу посещений кабинета Сталина). В период с 22-го по 24 апреля вместо Бойкова оперсводки подписывал начальник штаба фронта М. С. Малинин²⁹⁴. Есть карта «Наметка плана операции на Бобруйском направлении»²⁹⁵, на которой от руки сделана надпись: «Вып. г-м Бойковым при поездке с командующим фронта в ГШКА 26.4.44 г.». Из этого можно сделать вывод, что Бойков активно принимал участие в разработке плана предстоящей операции. В наградном листе от 17 июля 1944 г. указывалось: «За большую работу, проделанную по разработке оперативного плана Бобруйско-Минской операции, и настойчивое его осуществление генерал-майор Бойков достоин награждения орденом Суворова второй степени»²⁹⁶.

В этой связи характерно, что в период 24-го по 27 мая оперативные сводки подписывал опять же не Бойков, а Малинин²⁹⁷. Подпись Бойкова 22-го и 23 мая можно объяснить тем, что и Малинин, по-видимому, тоже находился в Москве. Обычно оперативные сводки подписывались в 2 часа ночи. Сводка за 22 мая подписана Бойковым в 3:10²⁹⁸, по-видимому, из-за задержки с ее передачей в Москву на подпись. Вечером 23 мая штаб 1-го БФ уже был на фронте.

²⁸⁸ Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 299–300.

²⁸⁹ Штеменко С. М. Указ. соч. С. 178.

²⁹⁰ Яковлев Н. Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1984. С. 163–166; Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1963. С. 422–433.

²⁹¹ Пересыпкин И. Т. А в бою еще важней. М., 1970. С. 211.

²⁹² Освобождение Белоруссии 1944... С. 113–114.

²⁹³ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 35.

²⁹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 163. Л. 142–156.

²⁹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 33.

²⁹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686043. Ед. хранения 107.

²⁹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 163. Л. 340–355.

²⁹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 163. Л. 327.

Итак, 22–23 мая Рокоссовский в Москве с группой генералов штаба фронта. Других командующих фронтами в эти дни в Москве нет, а значит, расширенного заседания Ставки ни 22-го, ни 23 мая быть не может. Есть карта – наметка плана операции левого крыла. Такой же карты по правому крылу – нет. Зато есть «План-схема наступательной операции войск правого крыла 1 БелФ»²⁹⁹ от 24 мая 1944 г., номер дела этой карты – 36, номер дела наметки плана левого крыла – 35. С учетом того, что на карте множество исправлений, можно утверждать, что эта карта в первоначальном варианте была привезена Рокоссовским в Ставку 22 мая вместе с «Наметкой...».

Эта карта – единственный найденный автором документ в фондах 1-го Белорусского фронта, который охватывает период планирования с 12 мая (отосланный план в Ставку) по 31 мая, когда 1-й БФ получил директиву Ставки на проведение операции.

Анализируя исправления на карте, можно заметить, что разграничительные линии между армиями на период наступления менялись трижды (первый вариант – красная линия с оранжевой полосой, второй – красная линия с зеленой полосой и третий – красная линия с черной полосой). Все изменения этих линий относятся к левому флангу (под Паричами), где судя по карте уже изначально предполагалось использовать и 65-ю, и 28-ю армию. То есть к 22 мая Рокоссовский уже предполагал использовать 28-ю армию именно здесь и скорректировал план от 12 мая. Операция по-прежнему изначально рассчитывалась на семь дней, подписи к линиям положения войск на восьмой-девятый день нанесены на карту от руки и уже не чертежным шрифтом. То есть 22–23 мая план операции был расширен. И если положения еще не прибывших войск 9-го танкового корпуса и 28-й армии на карту нанесены, то выделенный согласно замыслу Генштаба от 20 мая механизированный корпус – нанеске, но пока еще без номера.

Изначально по-прежнему планируется удар 48-й армией вдоль восточного берега р. Березина с целью совместно с 3-й армией окружить жлобинскую группировку противника, как и в плане от 12 мая. Этот удар на карте стерт ластиком. Но относительно разграничительной линии между 48-й и 65-й армией изменения уже сделаны. Если по плану от 12 мая 65-я армия овладевала Паричами и далее наступала четко на северо-запад, то теперь ей был прирезан участок на западном берегу р. Березина вплоть до Стасевки.

Стертым оказывается и удар 65-й армии на Бобруйск (выйдя на седьмой день на подступы к городу с юга, в район Стасевки, армия должна была взять город). То есть по одному из ранних вариантов плана действительно прорабатывался удар по сходящимся направлениям на Бобруйск.

Вместе с подписанным от руки «8-9 днем» (ранее 12 мая операция планировалась на 7 дней) также с подписью от руки появляется «подвижная группа», которая должна была наступать у Паричей. Рокоссовский дополнительно, кроме оговоренного в «Замысле...» Генштаба от 20 мая мехкорпуса, указывает на карте один танковый и один кавалерийский корпус. Впоследствии механизированный и кавалерийский корпус войдут в состав конно-механизированной группы.

Подвижная группа должна была действовать в направлении Осиповичей. Позднее, уже в утвержденном плане, основным направлением для нее будет Старые Дороги – Слуцк. В конце июня именно на последнем направлении КМГ и будет наступать.

Решение о передаче одного стрелкового корпуса из состава 3-й армии в 48-ю армию также нашло отражение на карте, изменена разграничители между армиями.

Частично этот план операции от 24 мая за счет исправлений будет соответствовать «Замыслу...» от 20 мая, прежде всего в том, что частью сил (28-я армия) фронт наступал на Слуцк, а всеми остальными силами (3, 48 и 65-я армии) – на Минск. Только есть один нюанс: и 28-я армия начинала наступление на Слуцк сразу, на первом же этапе операции (по

²⁹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 36.

«Замыслу...» – лишь после овладения районом Бобруйска), и в окружении бобруйской группировки части 28-й и 65-й армий участия не принимали. То есть план Рокоссовского от 24 мая и «Замысел...» Генштаба от 20 мая – не совпадают (удар в общем направлении на Бобруйск с двух участков – по плану от 24 мая не наносится). В директиве Ставки на наступление от 31 мая будут заметные изменения относительно «Замысла...» и гораздо меньшие изменения – относительно описываемого плана от 24 мая.

Вопрос о наступлении 48-й армией вдоль восточного берега Березины, по-видимому, долго дебатировался. Этот удар, как уже упоминалось, был отражен даже в «Замысле...» от 20 мая.

Рокоссовский писал в мемуарах: *«У генерала П. Л. Романенко в 48-й армии дело обстояло гораздо хуже. Командарм стремился атаковать противника со своих рубежей. <...> Облававав передний край, я увидел, что здесь наступать просто невозможно. Даже для одного легкого орудия приходилось класть настил из бревен в несколько рядов. Кругом почти сплошные болота с небольшими островками, заросшими кустарником и густым лесом. Никаких условий для сосредоточения танков и тяжелой артиллерии. Поэтому П. Л. Романенко получил приказ перегруппировать основные силы на плацдарм у Рогачева к левому флангу 3-й армии и действовать совместно с ней, а части, оставшиеся на березинском плацдарме (имеется в виду участок в междуречье рек Днепр и Березина. – М. С.), должны были боями приковать к себе как можно больше сил противника и тем способствовать нанесению главного удара»³⁰⁰.*

И самое важное – к 22 мая, как уже упоминалось выше, Рокоссовский уже урезал полосу наступления 48-й армии и добавил ее участки 65-й армии. То есть карта и мемуары Рокоссовского сходятся, тот факт, что удар 48-й армии не может принести успеха, к 22 мая уже нашел отражение на карте. После исправлений в плане Рокоссовский предлагал вывести три стрелковые дивизии 48-й армии на западный берег Березины. Так как именно на 48-ю армию возлагалась задача по взятию Бобруйска, это было весьма разумное решение. Однако командующий 48-й армией Романенко по итоговому плану действий получил приказ наступать у левого фланга 3-й армии. В итоге, когда 65-я армия вырвалась вперед, правый фланг армии оказался не прикрыт, а частей 48-й армии, которые могли бы так же быстро идти к Бобруйску по западному берегу реки Березины, не оказалось. По-видимому, эту корректировку сделали уже в Ставке.

Возвращаясь к самому ходу планирования и плану от 24 мая, отмечу, что, по сути, Рокоссовский вновь возвращается к плану Рогачевской операции, только теперь, за счет 28-й армии, он переносит участок прорыва юго-западнее – в лесисто-болотистую местность, на Бобруйск силами паричской группировки не наступает, а планирует прорыв сразу к Слуцку.

Рокоссовский пишет о причинах такого решения: *«Дело в том, что местность на направлении Рогачев, Бобруйск позволяла сосредоточить там в начале наступления силы только 3-й армии и лишь частично 48-й. Если этой группировке не помочь ударом на другом участке, противник мог бы не допустить здесь прорыва его обороны, у него осталась бы возможность перебросить сюда силы с не атакованных нами рубежей. Два же главных удара решали все проблемы: в сражение одновременно вводилась основная группировка войск правого крыла фронта, что было недостижимо на одном участке из-за его сравнительной ограниченности; противник терял реальные возможности маневра; успех, достигнутый пусть даже сначала на одном из этих участков, ставил немецкие войска в тяжелое положение, а нашему фронту обеспечивал энергичное развитие наступления»³⁰¹.*

Таким образом, из-за условий местности задача сосредоточения больших сил на участке 48-й армии представлялась командующему фронтом невыполнимой. Характерно, что удар 48-

³⁰⁰ Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 250–252.

³⁰¹ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 250–251.

й удар изначально имелся на карте, привезенной Рокоссовским с Ставку (скорее всего – удар 48-й армией был стёрт ещё до приезда в Москву), был в «Замысле...» от 20 мая, а 24 мая (когда Рокоссовским карта подписана) его уже не было. Если бы Рокоссовский принял решение именно об ударе по сходящимся направлениям, то следует заметить: если одной из группировок не удалось бы выполнить задачу, то окружение бы не состоялось.

Какие преимущества давали «два удара»: нанесение двух рассекающих ударов позволяло группировкам не ориентироваться друг на друга, даже относительно окружения и разгрома бобруйской группировки противника. И по плану от 24 мая, как и в последующей директиве Ставки, задача по ликвидации и разгрому бобруйской группировки, взятию Бобруйска, ставилась войскам только рогачевской ударной группировки – 3-й и 48-й армиям.

Соколов, исходя из журнала посещений кремлевского кабинета И. В. Сталина от 21–25 мая, писал: «Память немного подвела Константина Константиновича. Это памятное заседание... происходило 26 мая 1944 года... Очевидно, „Багратион“ в первый день обсудили на уровне Генштаба и командующих родов войск, прежде всего с точки зрения того, какие силы и средства могут потребоваться для проведения операции. Во второй же день вместе с командующими фронтами решали вопросы о задачах фронтов и армий, в том числе направления ударов и предполагаемое движение по дням операции. А 22-го и 23 мая Сталин принимал не высокопоставленных советских военных, а Ванду Василевскую, Тадеуша Василевского...»³⁰².

Делать такие выводы на основе одного источника не совсем верно, однако автор данной работы на основе более глубокого анализа может сделать точно такой же вывод – расширенное заседание Ставки ВГК состоялось 26 мая 1944 года. Состав участников из различных источников подтверждает список из журнала посещений кабинета Сталина.

Вернемся к воспоминаниям Жукова: «Поскольку, как это бывало при подготовке крупных операций, разработки планов в Генштабе и штабах фронтов шли параллельно, а командование фронтов, Генштаб и заместитель Верховного главнокомандующего поддерживали между собой тесный контакт, проекты планов фронтов полностью соответствовали замыслам Ставки и были тогда же утверждены Верховным главнокомандующим»³⁰³. Это утверждение весьма спорно. Иную точку зрения высказывает в своих воспоминаниях не только Рокоссовский, но и Василевский, писавший, что после совещаний с командующими «Генштаб должен был представить уточненный план на окончательное утверждение в Ставку»³⁰⁴, Баграмян, предложивший совместно с Жуковым пересмотреть план операции³⁰⁵, а также Черняховский: «Просьба командующего была удовлетворена, а план был доработан и 27 мая без замечаний утвержден»³⁰⁶.

В то же время, имея на руках карту от 24 мая, сложно понять запись во введении в журнале боевых действий 1-го Белорусского фронта за июнь: «При вторичной поездке 22–23 мая в Генеральный штаб командующего войсками фронта с начальником оперативного отдела Ставкой был окончательно решен вопрос о наступлении войск правого крыла фронта на Бобруйском направлении»³⁰⁷. То есть теоретически 23 мая Рокоссовский мог согласовать план, который к тому моменту уже отличался от замысла Генштаба. Но в таком случае остаются вопросы относительно следующего совещания. Ведь выделение фронту дополнительных сил будет согласовано лишь 26 мая, на совещании у Сталина.

³⁰² Соколов Б. Указ. соч. С. 300–301.

³⁰³ Жуков Г. К. Указ. соч. С. 220.

³⁰⁴ Василевский А. М. Указ. соч. С. 400.

³⁰⁵ Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 297–298.

³⁰⁶ Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 118.

³⁰⁷ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 256. Л. 5.

К тому же 24 мая штаб фронта затребовал у своих подчиненных целый ряд документов: справку о состоянии материальной части 16-й воздушной армии³⁰⁸ (предыдущая составлена 11 мая), разведывательную сводку³⁰⁹ (предыдущая составлялась 8 мая), сведения о наличии танков и САУ на фронте³¹⁰, подготовлена карта обстановки³¹¹. Все эти документы датированы 24 мая. Это означает, что совещания в Москве 22–23 мая если и были, то были предварительными, в связи с тем, что план операции был значительно расширен.

Командующие фронтами и члены военных советов фронтов находились в Москве в период с 24–25 мая по 27 мая. Этот вывод можно сделать на основе:

- 1) журнала посещений кабинета Сталина;
- 2) подписей Баграмяна и Леонова под боевыми донесениями (об этом упоминалось выше, 24–27 мая их подписи отсутствуют);
- 3) отсутствия подписей Бойкова в оперативных сводках с 24-го по 27 мая;
- 4) отсутствия в штабе 1-го БФ Рокоссовского и Булганина. Они подписывали документы лишь 21, 24 и 28 мая. За 22–23 мая и 25–27 мая их подписей обнаружить не удалось.

Д. воен. н. В. М. Барынькин, описывая процесс принятия решений в Ставке ВГК с середины 1943 г., в своей статье отмечал: «Наконец назначался день, когда командующие фронтами должны были прибыть в Ставку для докладов планов операций фронтов. Обычно И. В. Сталин заслушивал их в присутствии начальника Генштаба, своего заместителя и некоторых членов ГКО»³¹². То есть все указывает на то, что совещание в Ставке проходило именно 26 мая, когда присутствовали и члены ГКО.

Также можно сделать вывод, учитывая отсутствие подписи Бойкова в оперсводке за 24 мая, составленной в ночь на 25-е число, что офицеры штаба 1-го Белорусского фронта были в Москве уже во второй половине дня 24 мая. В таком случае это стыкуется с тем, о чем упоминал Баграмян: «Нас пригласили в Генеральный штаб для ознакомления с замыслом и планом предстоящей наступательной операции, подготовленными для доклада Сталину. В кабинете А. И. Антонова уже был командующий 1-м Белорусским фронтом К. К. Рокоссовский. Эта встреча очень обрадовала нас обоих, вызвала большое оживление и взаимные расспросы о фронтовых делах»³¹³. Это событие могло произойти как 24-го, так и 25 мая.

26 мая вечером состоялось расширенное заседание Ставки. Приведем состав его участников:

- «1. Молотов 21:00–02:30
2. Ворошилов 21:00–01:30
3. Берия 21:00–01:30
4. Маленков 21:00–01:30
5. Жуков 21:00–01:30
6. Василевский 21:00–01:30
7. Антонов 21:00–01:30
8. Штеменко 21:00–01:30
9. Рокоссовский 21:00–01:30
10. Булганин 21:00–01:30
11. Черняховский 21:00–01:30

³⁰⁸ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 169. Л. 265.

³⁰⁹ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 240. Л. 98–102.

³¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 2. Л. 153.

³¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 5. Л. 380.

³¹² Барынькин В. М. Особенности планирования и подготовки стратегических наступательных операций в 1943 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://kvrf.milportal.ru/osobennosti-planirovaniya-i-podgotovki-strategicheskikh-nastupatelnyh-operatsij-v-1943-g/> (дата обращения: 05.10.2019).

³¹³ Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 297.

12. Макаров 21:00–01:30
 13. Баграмян 21:00–01:30
 14. Леонов 21:00–01:30
 15. Петров 21:00–01:30
 16. Мехлис 21:00–01:30
 17. Воронов 21:45–00:30
 18. Яковлев ГАУ 21:45–00:30
 19. Хрулев 23:10–23:20
 20. Новиков 23:20–00:30
 21. Федоренко 23:45–00:30
 22. Воробьев 00:20–00:30
 23. Хрулев 00:45–01:30
 24. Воронов 00:50–01:30
 25. Новиков 00:50–01:30
 26. Яковлев 00:50–01:30
 27. Воробьев 00:50–01:30
 28. Драчев 00:50–01:30
 29. Колесов 00:50–01:30
 30. Агинский 00:55–01:30
 31. Микоян 02:30–02:30
- Последние вышли 02:30 27/V 44»³¹⁴.

Характерно, что о присутствии Молотова и Маленкова упоминает лишь сам Рокоссовский. В своей первой статье в «Военно-историческом журнале», в которой он упомянул о споре со Сталиным, он писал: «Сталин дважды предлагал мне выйти в соседнюю комнату, чтобы обдумать предложение Ставки и в соответствии с ним доложить свое решение. Во время второго „продумывания“ в эту комнату вошли Молотов и Маленков. Они неодобрительно отнеслись к тому, что я спорю с самим Верховным главнокомандующим, и настаивали, чтобы я принял предложения Ставки. Я ответил, что убежден в своей правоте и, если Ставка прикажет наносить один удар, буду просить об освобождении меня от командования фронтом»³¹⁵.

Со словами Рокоссовского о его споре со Сталиным был крайне несогласен Г.К. Жуков, он в своих воспоминаниях отрицал факт спора: «Существующая в некоторых военных кругах версия о „двух главных ударах“ на белорусском направлении силами 1-го Белорусского фронта, на которых якобы настаивал К. К. Рокоссовский перед Верховным, лишена основания. Оба эти удара, проектируемые фронтом, были предварительно утверждены И. В. Сталиным еще 20 мая по проекту Генштаба, то есть до приезда командующего 1-м Белорусским фронтом в Ставку»³¹⁶.

Однако, Г.К. Жуков не точен в отношении того, что 20 мая «оба удара уже были утверждены». Ранее уже отмечалось, что «Замысел...» Генштаба был сильно скорректирован. Более того, в проекте нет двух ударов, а есть удар по сходящимся направлениям. Кроме того, вопрос использования механизированного корпуса, судя по карте от 24 мая, до 22 мая даже не обсуждался (Рокоссовский лишь в последний момент наносит на карту его действия), а в самом «Замысле...» нет ни слова про главный и вспомогательный удар. При этом, по «Замыслу...», 28-я армия находится в резерве Ставки, словно в соответствии с планом Рокоссовского от 12 мая, когда она должна была быть введена под Бобруйском после успеха 3-й армии, то есть фактически лишь на втором этапе операции. 28-я армия будет передана лишь 27 мая, сразу

³¹⁴ На приеме у Сталина... С. 434.

³¹⁵ Рокоссовский К. К. Два главных удара С. 14.

³¹⁶ Жуков Г. К. Указ. соч. С. 221.

после совещания в Ставке. То есть говорить о том, что ранее армия не передавалась из-за того, что была, например, недоукомплектована, – нельзя.

Скорее всего, оппоненты Рокоссовского в Ставке действительно настаивали на том, чтобы все силы (и мехкорпус, и 28-ю армию) использовать на участке 3-й армии. При этом член военного совета фронта Телегин³¹⁷ утверждает, что именно Ставка ориентировала штаб 1-го БФ на нанесение одного главного и одного вспомогательного ударов, а начальник тыла 1-го БФ Антипенко упоминал, что Жуков до самого конца не верил в успех наступления в болотистой местности³¹⁸. Также в «Замысле...» есть и удар 48-й армией вдоль восточного берега Березины, соответственно, есть все основания полагать, что в «Замысле...» отражен именно план Рокоссовского от 12 мая, расширена лишь полоса наступления 65-й армии на вспомогательном направлении.

В подтверждение слов Рокоссовского и его версии о споре со Сталиным говорит и тот факт, что в записях, сделанных в служебных тетрадях заместителем командующего бронетанковыми войсками Красной армии Н. И. Бирюковым, значится:

«24 мая 1944 г.

Указания тов. Сталина, полученные тов. Я. Н. Федоренко

1. И. Д. Черняховскому передать корпуса А. С. Бурдейного и Обухова.

2. К. К. Рокоссовскому передать Бахаре[о]ва, Кривошеина»³¹⁹.

То есть 24 мая Рокоссовскому уже передавались 1-й механизированный корпус Кривошеина и 9-й танковый корпус Бахарова, указанные в «Замысле...» от 20 мая. Передавались корпуса и 3-му Белорусскому фронту И. Д. Черняховского, который даже согласно историографии, в Ставку ВГК еще не прибыл.

Лишь 29 мая будет отдано указание насчет 1-го гв. танкового корпуса Панова о его передаче Рокоссовскому. И лишь в ночь на 27 мая, в 3:30, сразу после вечернего совещания в Ставке 26-го числа, поступит указание о передаче 28-й армии³²⁰, в этот же день будет издан приказ НКО об усилении 16-й воздушной армии четырьмя авиационными корпусами и двумя авиадивизиями (всего пять истребительных авиадивизий, три – штурмовых и три – бомбардировочных)³²¹. Еще позже, в начале июня, поступит указание о передаче в состав фронта 4-го гвардейского кавалерийского корпуса И. Плиева. То есть все части, которые дополнительно будут запрошены Рокоссовским в плане от 24 мая, будут выделяться лишь после совещания в Ставке ВГК 26 мая, а все части, указанные в «Замысле...» от 20 мая, к моменту совещания уже будут выделены.

Из всего вышеизложенного сделаем вывод: в связи с расширением плана, невозможностью наступления силами 48-й армии вдоль западного берега Березины, в связи с поставленной задачей наступать вдоль северного края Полесья на Слуцк и Барановичи Рокоссовский посчитал необходимым не просто окружить группировку противника (якобы теперь уже западнее Бобруйска), а нанести именно два удара. Притом обе ударные группировки не сходились друг с другом, они выполняли параллельно две разные задачи, одна наступала на Минск, вторая – на Барановичи. И самое главное – к 24 мая план операции утвержден еще не был.

Баграмян пишет: «Хорошо помню, что вопреки предложению Генерального штаба – нанести войсками фронта мощный удар только на одном участке прорыва – Константин Константинович весьма обоснованно решил создать две ударные группировки, которым надлежало

³¹⁷ Телегин К. В боях за освобождение Белоруссии С. 83–84.

³¹⁸ Антипенко Н.А. Указ. соч. С. 25.

³¹⁹ Бирюков Н. И. Танки – фронту! Смоленск: Русич, 2005. С. 405.

³²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3410. Д. 11. Л. 344 // Цит. по: Освобождение Беларуси. С. 211.

³²¹ Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–3). Приказы народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. М.: Терра, 1997. С. 281–282.

прорвать оборону противника на двух участках, чтобы последующим наступлением в глубь обороны окружить и разгромить главную группировку противника. Это предложение командующего решительно поддержали Г. К. Жуков и А. М. Василевский, и оно было одобрено Верховным главнокомандующим И. В. Сталиным»³²². Кажется бы, частично подтверждается написанное Рокоссовским, но выражение «предложение командующего решительно поддержали Г. К. Жуков и А. М. Василевский» вызывает большие сомнения. Если это действительно так, то почему оба маршала столь негативно высказываются о «неточностях» в воспоминаниях Рокоссовского о планировании Белорусской операции?

Складывается впечатление, что последняя фраза отредактирована уже не самим Иваном Христофоровичем. И даже есть некоторые основания так полагать. Уже после войны, для того чтобы мемуары советских военачальников были более достоверны и вписывались в единую картину, не сильно расходясь в трактовке событий, их работы проверялись в Военно-историческом отделе Генштаба, о чем в беседе с автором упомянул служивший в нем в советские годы генерал-майор в отставке В. В. Гуркин. Таким образом, изданные позднее мемуары вполне могли приводиться в соответствие с более ранними трудами. Это относится и к дате совещания. После мемуаров Жукова абсолютно все мемуаристы почему-то называли даты совещаний в Ставке именно 22–23-е число. Хотя, опять же, числа 22–23 мая упоминал ранее и Рокоссовский.

Также Жуков пишет: «Нелишне здесь заметить также, что в советской военной теории никогда не предусматривалось нанесение одним фронтом двух главных ударов, а если оба удара по своей силе и значению были равноценными, то их обычно называли „мощными ударами“. Я подчеркиваю это для того, чтобы не вносилась путаница в оперативно-стратегическую терминологию»³²³.

И чтобы уже подводить анализ хода планирования к итогу, приведем текст директивы Ставки ВГК № 220113 командующему войсками 1-го Белорусского фронта на разгром бобруйской группировки противника:

«Ставка Верховного главнокомандования приказывает:

Подготовить и провести операцию с целью разгромить бобруйскую группировку противника и выйти главными силами в район Осиповичи, Пуховичи, Слуцк, для чего прорвать оборону противника, нанося два удара (выделение мое. – М. С.): один силами 3-й и 48-й армий из района Рогачева в общем направлении на Бобруйск, Осиповичи и другой – силами 65-й и 28-й армий из района нижнего течения р. Березина, Озаричи в общем направлении на Ст. Дороги, Слуцк.

Ближайшая задача – разбить бобруйскую группировку противника и овладеть районом Бобруйск, Глуша, Глуск, причем частью сил на своем правом крыле содействовать войскам 2-го Белорусского фронта в разгроме могилевской группировки противника. В дальнейшем развивать наступление с целью выхода в район Пуховичи, Слуцк, Осиповичи.

«...»

5. Срок готовности и начало наступления – согласно указаниям маршала Жукова.

Ставка Верховного главнокомандования

И. Сталин

Г. Жуков»

³²² Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 300.

³²³ Жуков Г. К. Указ. соч. С. 221.

Весьма интересная картина получается – Жуков в мемуарах спорит с формулировками документов, которые сам подписывал. Никаких «мощных» или «равноценных» ударов в директиве не наблюдается. Существенное есть и отличие от предыдущих планов – нет в директиве задачи окружить, нет удара по сходящимся направлениям, есть два параллельных удара. Ранее в плане от 12 мая Рокоссовский называл удар в направлении Слуцка вспомогательным (так же он описывался в «Замысле...» Генштаба от 20 мая), в директиве же он значится как главный.

Итоговый план действий войск фронта (согласно директиве Ставки от 31 мая)

Здесь стоит вспомнить о бесспорной субъективности мемуаров. Так, Василевский во время своего разговора с Симоновым отмечал совсем другое: «Я говорил о некоторых существенных недочетах в нашей мемуарной литературе. В частности, такие недочеты есть в воспоминаниях Рокоссовского о Белорусской операции, там, где он рассказывает о ее планировании. Он рассказывает там о том, как он был вызван в Ставку... Сталин в конце концов махнул рукой и согласился. Я... присутствовал на этом обсуждении плана операции и, во-первых, не помню такого спора, а во-вторых, в воспоминаниях Рокоссовского сам этот момент – предложение о двойных ударах, наносимых на одном фронте, – трактуется как некое оперативное новшество. И это уже вовсе странно. Двойные удары силами одного фронта не были для нас новшеством в сорок четвертом году. Такие удары наносились и раньше. Достаточно привести пример Московской операции, где контрудары по немцам наносились и на южном, и на северном флан-

гах Западного фронта, и Сталинградской операции, где Сталинградским фронтом наносились удары на двух направлениях, да и ряд других операций, предшествовавших Белорусской»³²⁴.

Замечу, что в своих мемуарах Василевский ни о чем подобном не упоминает³²⁵. Безусловно, в записях Симонова содержится пересказ, а не стенограмма разговора с маршалом, и, возможно, в действительности его слова могли звучать совершенно иначе – это, признаюсь, затрудняет использование данной записи как источника. Однако возникает вопрос: почему Василевский совсем не помнит о самом споре?

Интересно, что маршал в беседе с Симоновым все же считал, что в плане 1-го БФ были два главных удара. Относительно же того, что в 1944 г. они не были новшеством, стоит кое-что уточнить. Войсками Западного фронта в Московской операции командовал маршал Жуков, и в его записке к плану операции записано: «Ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловая и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле фронта армий Западного фронта»³²⁶

³²⁴ Симонов К. М. Указ. соч. С. 463.

³²⁵ Василевский А. М. Указ. соч. С. 399–400.

³²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 16а. Оп. 947. Д. 36. Л. 70–72.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.